

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(НИУ «БелГУ»)**

**ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА, ПРОФЕССИОНАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РЕЧИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ,
ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 45.04.01 Филология
очной формы обучения, группы 04011531
Сонде Хенри Олайнка

Научный
руководитель
к.ф.н., доцент
Лангнер А.Н.

Рецензент
к.ф.н., старший
преподаватель
кафедры
иностранных
языков и
межкультурной
коммуникации
ГБОУ ВО
«Белгородский
государственный
институт искусств
и культуры»
Бочарова Э.А.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ	7
1.1. Взаимодействие языков и языковая эволюция	7
1.2. Актуальность изучения вопроса интерференции	14
1.2.1. Подходы к изучению интерференции	24
1.2.2. Проблема лингвистической интерференции и заимствования	29
1.3. Интерференция, билингвизм и диглоссия	43
Выводы по ГЛАВЕ I	52
Глава II. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РЕЧИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ	53
2.1. Фонетическая и фонологическая интерференция	53
2.1.1. Произношение гласных	56
2.1.2. Произношение согласных	61
2.1.3. Интонационные особенности	67
2.2. Морфологическая и синтаксическая интерференция	71
2.2.1. Существительное	72
2.2.2. Прилагательное	76
2.2.3. Глагол	78
2.3. Лексико-семантическая интерференция	91
2.3.1. Сужение значения	91
2.3.2. Расширение значения	93
2.3.3. Смещение значения.....	94
Выводы по ГЛАВЕ II	97

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	99
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	101

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена языковой интерференции, возникающей в результате англо-русского контакта. Изучение проблемы взаимодействия языков в социолингвистическом контексте основных факультетов российских вузов с русским языком (РЯ) как иностранным представляет собой ощутимый вклад в решение вопросов вариативности языка и языковой интерференции.

Актуальность проводимой работы связана с возрастающим интересом к феномену интерференции. Контактная лингвистика требует обновления исследовательского аппарата путем привлечения новейших теоретических разработок, введения в научный обиход системы понятий, связанных с особенностями функционирования РЯ в неродных условиях.

РЯ основных факультетов представляет собой, с одной стороны, коммуникативный инструмент, подчиняющийся литературной норме центрально-французского варианта, с другой – систему специфических состояний, характеризующихся интерферирующим влиянием со стороны родного языка обучающихся. Именно данные специфические состояния позволяют утверждать, что в пределах основных факультетов с РЯ как иностранным существует «студенческий» вариант РЯ.

Объектом исследования выступают интерференционные процессы, протекающие в РЯ под влиянием образуемых этнолингвистических и социокультурных условий.

Предметом исследования выступает анализ интерференционных процессов, протекающих в РЯ под влиянием образуемых этнолингвистических и социокультурных условий.

Целью работы служит изучение взаимодействия языковых, социокультурных и учебных факторов при выявлении интерферирующего влияния английского языка (АЯ) на РЯ и результатов этого влияния.

При проведении исследования предполагается решить следующие **задачи:**

- 1) разобраться в соотношении понятий контакта языков, двуязычия (билингвизма), диглоссии, интерференции и заимствования;
- 2) определить специфику процессов интерференции и заимствования в возникающих вариантах РЯ;
- 3) выявить результаты интерференционного влияния на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Методологическая база исследования основывается на положениях, разрабатываемых зарубежными и отечественными учеными в рамках современной контактной лингвистики – В.А. Аврорин, У. Вайнрайх, Ю.А. Жлуктенко, И. Лехисте, Г. Пауль, Э. Хауген и др. Как полагают авторы выдвигаемой теории, в условиях индивидуального билингвизма действует психологический фактор влияния языковых знаний и речевых навыков, которыми билингв владеет в области двух языков. Психология индивидуального билингвизма, так или иначе, создает условия для психологии социального билингвизма, в результате которого интерферируемые элементы становятся фактом языковой системы и могут влиять на специфику развития языка в условиях языкового взаимодействия. Подобное концептуальное положение позволяет представлять соответствующие факты преобразования языка как материал для изучения интерференции среди индивидуумов и общественных групп, которые в своей коммуникативной практике пользуются одновременно несколькими языками.

Методы исследования. В основе проводимого исследования лежат традиционные методы социолингвистического исследования: наблюдение, комплексный функциональный анализ языковых единиц в речи, сравнительно-сопоставительный метод, а также интроспекция.

Материалом для исследования послужили письменные работы англоязычных студентов-африканцев основных факультетов Белгородского

государственного университета (Белгород), Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова (Белгород), Сельскохозяйственной академии (Белгород) и наблюдения за их устной речью. Работа во многом опирается на личный опыт автора, которые обучается на филологическом факультете Белгородского государственного университета.

Апробация работы. Материалы исследования нашли отражение в статьях:

1. Абрамова Е. С. Языковая репрезентация образа Африки в российских средствах массовой информации [Текст] / Е. С. Абрамова, Х. Сонде, Л. Ф. Свойкина // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике : материалы V Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 26 июня 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. — № 3 (5). — С. 295–296. — ISSN 2412-0510.

2. Сонде Генри. Интерференция в речи англоязычных учащихся, изучающих русский язык в вузах // Роль и место русского языка в современном мире: Материалы VIII Международной студ. научно-практической конференции). – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2016, – С.30-32.

3. Сонде Генри. Интерференция в речи англоязычных учащихся, изучающих русский язык в вузах // Роль и место русского языка в современном мире: Материалы IX Международной студ. научно-практической конференции). – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2017, – С. 60-66.

Апробация работы проводилась при прохождении практики в Белгородском государственном университете.

Структура и содержание работы определены составом решаемых проблем и задач. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ

1.1. Взаимодействие языков и языковая эволюция

Исследование языковых контактов в современной лингвистической науке представляет собой отдельное самостоятельное направление. Н. Goebel (1997) и У. Вайнрайх (1953) говорят о «лингвистике языковых контактов», «контактной лингвистике». Поверхностный взгляд на данные термины может привести к тому, что в рамках лингвистики речь идет не о направлении, а о целой самостоятельной науке, находящейся в одном ряду, например, с исторической, социальной лингвистикой.

Несомненно, что особенность любого конкретного языка обуславливают следующие факторы: а) происхождение, определяющее место языка в кругу родственных языков и б) взаимодействие языка с родственными и неродственными языками. По мнению Н.Б. Мечковской, возникновение языка, контакты языка с «себе подобными» – силы, спорящие друг с другом, с противоположных сторон формирующие своеобразие конкретного языка (Мечковская, 2000: 169). Ж. Багана говорит о том, что «контакты языков проявляются в их взаимодействии и взаимовлиянии друг на друга. Контакты – это наиболее заметные события языковой истории; именно языковые контакты более всего изменяют языки» (Багана, 2004: 15).

Первые представления о том, что языки могут воздействовать друг на друга, появились вместе с возникновением отношения к языку как к объекту научного исследования, т.е. еще в античном мире. Однако следует отметить, что языковые контакты в это время не воспринимались как предмет, достойный изучения с точки зрения науки.

Среди первых ученых, специально отстаивавших значимость языковых контактов, как фактора существенного для образования европейских языков,

были гуманисты Италии. Начиная с Л. Валлы, бытовало мнение, согласно которому романские языки образовались в результате смешения латыни с варварскими языками (например, германскими). Впрочем, как мы уже отметили выше, вопросы языка, языковых контактов интересовали просветителей в самом общем смысле. К сожалению, они не смогли стать предметом собственно научного исследования. В языкознании XVII – XVIII вв. практически никто не пытался углублять данные разработки и выводить их на новый уровень научного знания.

Только с наступлением конца XVIII – начала XIX веков ситуация начала меняться. Возникли исторически ориентированная типология, сравнительно-историческое языкознание – все это запустило новый виток в истории научной мысли. XIX век стал прорывным, так как сравнительно-историческое языкознание становится главной лингвистической дисциплиной. В центре внимания ученых этого времени находятся процессы дивергенции в языке или языках, языковые контакты, т.е. конвергентные процессы практически не освещаются. Однако в середине XIX века языковеды начинают вплотную заниматься контактным взаимодействием языков романской группы. Например, младограмматист Г. Пауль в своем труде «Принципы истории языка» (1960) отводит контактным процессам специальный раздел. Но информации все-таки еще недостаточно для того, чтобы данное языковое явление оформилось в стройное теоретическое положение.

Большее внимание проблематике языковых контактов уделяли так называемые «диссиденты младограмматизма». Среди них выделяются итальянский языковед Г.И. Асколи, основатель теории субстрата, сыгравшей значительную роль в развитии лингвистики XX в., а также австрийский лингвист Г. Шухардт (1950), сделавший первую полную разработку теории языковых контактов. Американский языковед У.Д. Уитни опередил почти на

сто лет современные работы, посвященные иерархической шкале языковых элементов, выделяемых от их способностей быть заимствованными.

В России среди работ ученых, посвященных проблемам языковых контактов, следует подчеркнуть фундаментальные труды И.А. Бодуэна де Куртенэ (1963) и Л.В. Щербы (1915, 1926, 1958).

Впервые термин «языковой контакт» был предложен А. Мартине (1952) и введен в широкое употребление У. Вайнрайхом, который в своей известной работе «Языковые контакты» (1953) поставил основные вопросы исследований в этой сфере. По данной теме в дальнейшем были опубликованы работы Э. Хаугена (1953) и других зарубежных лингвистов. Термин «языковой контакт» заменил собой термин «смешение языков», предложенный Г. Шухардтом. Ученый посвятил несколько работ креольским языкам, указывая на то, что не существует языка, полностью лишённого влияния чужого языка, и что возможность смешения не знает границ, потому что каждый индивид изучает и видоизменяет свой язык в общении с рядом других индивидов (Йордан, 1971:87). Понятие «смешение языков» оказалось неприемлемым для специалистов в области языкознания, в частности для У.Д. Уитни и Э. Сэпира, ввиду его неопределенности.

Похожие идеи высказывал И.А. Бодуэн де Куртенэ, считая, что при контакте языков происходит не только заимствование тех или иных элементов, но и ослабление степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям языка (Розенцвейг, 1972: 7-8). В дальнейшем Л.В. Щерба уточнил процесс языковых контактов, сказав, что он состоит в схождении и обобщении означаемых при сохранении различий в означающих и, что то или иное течение этого процесса определяется разными видами двуязычия (Щерба, 1958: 40-53). О.С. Ахманова резюмирует идеи прошлого и говорит о языковых контактах как о соприкосновении языков, возникающих вследствие особых географических, исторических и социальных условий,

приводящих к необходимости языкового общения чело веских коллективов, говорящих на разных языках» (Ахманова, 1969: 535).

Тема языковых контактов сегодня находится постоянно в сфере научных предпочтений лингвистов. С середины прошлого века лингвистика получила основательный научный материал как общетеоретического характера, так и иллюстрирующий конкретные случаи контактирования языков. В ходе изучения языковых контактов претерпело некоторые изменения и определение данного явления. Например, У. Вайнрайх приходит к выводу о том, что если два языка находятся в контакте в практике попеременного использования их одним и тем же индивидом, то в языке данного индивида можно обнаружить примеры смешения норм каждого из двух языков, которые являются следствием пользования более чем одним языком (Вайнрайх, 1979: 22). Но уже лингвистический энциклопедический словарь определяет языковые контакты как «взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние на структуру или словарь одного или многих из них» (Иванов, 1990: 237). Представленные определения подчеркивают важные, хотя и разные аспекты описываемого ими понятия.

В ряде отечественных лингвистических работ не так давно выдвигалось предложение различать «узкое» и «более широкое» толкование термина «языковые контакты». Под толкованием термина понимали контактную ситуацию, связанную с обязательным двуязычием, а под вторым – межъязыковую связь, при которой двуязычия не может быть, как, например, при заимствовании лексики в процессе различных социально-политических, культурно-исторических, торгово-экономических и других отношений (Семчинский, 1974: 34).

Что касается нас, то мы в самом общем виде под языковыми контактами разумеем любые случаи сосуществования и взаимодействия языков в языковом сознании индивида или в языковом сообществе. Такая интерпретация термина «контакт языков», «языковой контакт»,

«взаимодействие языков» подкрепляется работами известнейших ученых современности: отечественными лингвистами Ж. Багана, В.А. Виноградовым, В.М. Дебовым, В.Т. Клоковым, Н.Б. Мечковской, А.М. Молодкиным, А.Ю. Русаковым, а также зарубежными лингвистами – R. Appel, T. Kaufman, S. Lafage, O. Massoumou, P. Muysken, C. Myers-Scotton, M.M. Ngalasso, A. Queffelec, S.G. Thomason и др.

В настоящее время вопросам взаимодействия языков уделяется пристальное внимание. Некоторые лингвисты полагают, что термин «языковые контакты» – это метафора, довольно удачная и широко распространенная в научной литературе. В действительности возможны контакты собственно не языков, а их носителей. Поэтому заимствование иноязычных элементов возможно только в условиях коммуникации между представителями различных культур (Тарасов 1996; Шаповалов 2003; Apeltauer 1997; Giordano 1996; Kotthof 1997).

Любая ситуация общения определяется конкретными участниками этого общения и их целями. Она выступает неповторимой по причине субъективного характера как самих целей общения, так и других субъективных характеристик, вступающих в контакт людей. Вместе с субъективными характеристиками выделяют объективные (социальные) аспекты, репрезентируемые нормами речевого поведения, принятыми в каждой конкретной культуре для социально маркированных ситуаций. Но, несмотря на несогласие части исследователей, термин «языковые контакты» продолжает использоваться в отечественной и зарубежной научной литературе.

Изменения, определенные языковыми контактами, обязательно наличествуют в истории каждой идиомы. Развитие языка без влияния окружающей среды невозможно, поэтому не существует «генетически чистых», «беспримесных» языков. Практически любой современный язык

представляет собой сплав языковых элементов, происходящих из разных, родственных и неродственных, языков и диалектов (Багана, 2010: 16).

В совершенно ином ракурсе предстают явления языковых контактов, если их анализировать с точки зрения таких наук как: лингвистика, социология, психология. Этот факт позволяет говорить о том, что направление изменений контактирующих языков должно наблюдаться исследователями в срезе следующих уровней:

1) Собственно лингвистический уровень, т.е. смешение, взаимопроникновение двух самостоятельных (самодостаточных) языковых систем. А.М. Молодкин отмечает, что лингвистов данная проблематика интересует в таких вопросах как:

Что происходит с двумя (или более) находящимися в контакте языками на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях?

Каким образом языки заимствуют друг у друга языковые структуры и структурные элементы?

Что происходит с языками, которые используются одновременно в двуязычных коллективах?

Какие изменения происходят в контактирующих языках?

Каким образом может развиваться новый язык, образовавшийся в результате их контактов? (Молодкин, 2001: 11)

2) Уровень взаимодействия разноязычных социумов, т.е. определенная языковая ситуация, представляющая собой совокупность языковых образований (языков и их вариантов, обслуживающих социум в пределах политико-территориального объединения или государства и т.д.). Как правило, результаты подобного взаимодействия и взаимовлияния зависят от ряда факторов. К последним можно отнести продолжительность и интенсивность контактов между языковыми группами; типы социальных, политических и экономических отношений между ними; функции языков и т.д. Однако история демонстрирует, что исход языкового контакта способен

оказаться непредсказуемым в отдельных ситуациях. Иногда победу одерживает язык менее развитой культуры.

3) Психолингвистический аспект, т.е. индивидуальное двуязычие. Исследователей, интересующихся психолингвистической составляющей языкового взаимодействия, привлекает «уживание» в сознании билингва двух языков. Согласно тому, как билингв владеет двумя языками, индивидуальное двуязычие может быть симметричным (человек знает оба языка в равной мере) или асимметричным (человеку известны оба языка, но владение первым языком выше второго). Следует также сказать, что по функционированию в речи билингва двух языков, выделяют автономное и совмещенное двуязычие. При первом двуязычии речь билингва на каждом языке формируется только с использованием средств соответствующего языка. При втором двуязычии речь ведущего языка определяет речь ведомого языка, т.е. владение им подчиняет структуру неосновной идиомы. По мнению Б. Гавренека, А. Мартине и Э. Хаугена, полное и автономное (без смешения языков) владение двумя языками превышает психические возможности обычного человека (Новое в лингвистике, 1972: 62-63, 84-85, 100).

Наряду с отмеченными нами дисциплинами, вопросы языковых контактов, языковых взаимодействий изучаются в рамках культурологии и антропологии, служащих основой образования смежных по отношению к общей лингвистике наук, например, лингвокультурологии и лингвистической антропологии.

Таким образом, современному исследователю становится понятно, что круг идей, обсуждаемых в новейшей теории языковых контактов, определяется проблемами билингвизма (двуязычия), интерференции, конвергенции и дивергенции. Причем, последние два процесса сосуществуют, т.е. попеременно сменяют друг друга в процессе развития языков.

1.2. Актуальность изучения вопроса интерференции

Проблема интерференции достаточно сложна, она по-прежнему досконально не изучена. Общим для «живых языков» является то, что они, выполняя коммуникативную и когнитивную функции, отражают действительность, при этом слова не только называют предметы и явления окружающего мира, но и выражают цельные понятия. Однако, хотя в основе мышления лежат логические и психологические законы, одинаковые у всех людей, каждому языку соответствует своя особая организация исторического, социального, экономического, культурного, политического и языкового опыта. Адекватно и полно отражая одну и ту же объективную действительность, языки весьма различно дробят ее на составные части, накладывают на общечеловеческие процессы мышления и особенно вербального оформления мыслей свой особенный отпечаток, пользуются не только различными материальными средствами, но и разными внутренними формами, структурами.

В последнее время всесторонне обсуждается проблема взаимосвязи языка и сознания: проводятся всевозможные исследования языковой картины мира у носителей определенного языка, создаются ассоциативные словари разных языков, дающие богатый материал для изучения особенностей восприятия действительности в рамках той или иной культуры. По мнению М.В. Завьяловой, каждый язык формирует у его носителя определенный образ мира, представленный в языке семантической сетью понятий, характерной именно для данного языка: и ассоциативные эксперименты, и трудности, возникающие в межкультурном общении и при переводе, подтверждают это. Таким образом, возникает проблема билингвизма: как в одном сознании сочетаются две языковые системы, две картины мира, как взаимодействуют два образа действительности (Завьялова, 2001: 60).

Э. Кассирер в свою очередь замечает, что проникновение нового языка порождает впечатление приближения к миру со своей собственной интеллектуальной структурой. Это подобно открытию чужой страны, когда свой собственный язык предстает в новом свете. Соотносимые термины двух языков редко приложимы к одним и тем же предметам, и действиям. Они покрывают различные поля, которые, взаимопроникая, создают многоцветную картину и различные перспективы нашего опыта» (Кассирер, 1998: 596).

Нет абсолютно идентичных понятий в разных языках, так как в их основе лежат разные предметные отношения, закрепленные разными средствами. Действительность в разных языках представлена по-разному. Это явление, известное как лингвистическая относительность или лингвистическая дополнительность, порождает так называемое языковое мышление, особое у носителей каждого языка (Корнев, 1997: 82-83).

В процессе формирования речи на неродном языке речевое высказывание осложняется тем, что при отборе языковых средств появляются номинанты, грамматические правила родного языка, т.е. происходит наложение двух систем в речевом процессе, ведущее к появлению интерференции.

В лингвистическую литературу термин интерференция был введен членами Пражского Лингвистического кружка. Однако широкое применение он получил лишь после опубликования монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты», в которой дается следующее определение интерференции: «случаи отклонения от норм, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» (Вайнрайх, 1979: 22).

В понимании Л.В. Щербы сущность процесса интерференции лингвистически определяется взаимным приспособлением языка говорящего

и языка слушающего и соответствующим изменением норм контактирующих языков (Щерба, 1958: 121).

Ю.А. Жлуктенко относит к интерференции «все изменения в структуре языка, а также в значениях, свойствах и составе его единиц, возникающие вследствие взаимодействия с языком, находящимся с ним в контактной межъязыковой связи» (Жлуктенко, 1974: 61).

W.F. Maskey видит интерференцию как использование элементов, принадлежащих одному языку, в ситуации, когда акт общения совершается на другом языке (Maskey, 1976: 397).

В.А. Виноградов под интерференцией понимает «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка, выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» (Виноградов, 1990: 197).

Представленные мнения специалистов свидетельствует о том, что сегодня в науке наполняемость термина «интерференция» неоднозначная и зависит от аспектов, выносящихся на первый план исследования. Одни лингвисты продолжают линию У. Вайнрайха и определяют интерференцию как любые языковые изменения, обусловленные контактом и подразделяющиеся на «заимствование при сохранении языка», и «интерференцию вследствие языкового сдвига», но признают при этом оба явления «подтипами» интерференции (см.: Thomason, Kaufman, 1988). Другие же противопоставляют интерференцию как структурное и/или семантическое изменение форм одного языка под влиянием другого языка, прямому заимствованию (borrowing, transfer) языковых элементов (морфем, слов и т.п.) (см.: Heath 1993). Третьи говорят об интерференции как понятии, характеризующем исключительно процесс усвоения второго языка, а контактные изменения в речевой деятельности предпочитают обозначать термином заимствование (Appel, Muysken, 1987: 82-100). Под

интерференцией также «понимается воздействие языковых систем в условиях естественного или искусственного двуязычия, возникающее при языковых контактах и выражающееся в отклонениях от языковой нормы и системы второго языка под влиянием когниций родного языка. Интерференция представляет собой языковое явление, свидетельствующее о тесном взаимодействии двух факторов: интерферирующих элементов, проявляемых в форме когниций и, в частности системы родного языка билингов, и являющихся причиной появления интерферируемых элементов» (Фомиченко, 1998: 216).

Несмотря на то, что термин «интерференция» в последние годы несколько сузил сферу своего применения, в дальнейшем изложении мы предпочитаем использовать его в первоначальном «вайнрайховском» понимании как удобное обозначение для любых изменений контактного происхождения в языковой системе под влиянием речевой деятельности индивида. Подобный подход, в частности, представлен в последней работе W. Croft (2001), предлагающего читать вслед за У. Вайнрайхом все случаи контактообусловленных изменений интерференцией, а изменения типа калек и семантических сдвигов – конвергенцией.

Ввиду того, что сфера применения термина «интерференция» за последние десятилетия сузилась, в своей работе мы предпочитаем его использовать в первоначальном понимании, в понимании У. Вайнрайха.

Понятие интерференции подразумевает переустройство моделей, являющееся результатом введения иноязычных элементов в области языка, которые отличаются более высокой структурной организацией, например, ядро системы фонем, большая часть морфологии и синтаксиса, некоторые области словаря (обозначения родства, цвета, погоды и др.) (Вайнрайх, 1979: 22).

Таким образом, получается, что сущность процесса интерференции состоит в том, что человек, усваивающий неродной язык, бессознательно

переносит систему действующих правил, программу речевого поведения родного языка на изучаемый. Другими словами, в сознании образуется третья система, где действуют законы двух языков, т.е. родного и неродного.

Проявление лингвистической интерференции весьма многообразно. Так Ю.А. Жлуктенко выделяет следующие ее типы:

- 1) использование «чужого» языкового материала в контекстах данного языка;
- 2) образование единиц из собственного языкового материала по образцу единиц контактирующего языка;
- 3) наделение единиц данной системы функциями, присущими их иноязычным коррелятам;
- 4) стимулирующее или задерживающее воздействие единиц данной системы на функционирование единиц или моделей другой;
- 5) нивелирующее воздействие со стороны более простых и четких моделей одной системы на аналогичные, но более сложные модели другой;
- 6) копирование моделей одной системы с помощью средств другой системы (Жлуктенко, 1974: 64-65).

В целом, причины явлений интерференции в большинстве случаев можно определить лингвистическими методами. Нередко заимствование лексики объясняется исследованием тех моментов, в которых словарь проявляет свое несоответствие потребностям культурного окружения, порождающего языковой контакт.

Объем и глубина интерференции зависят как от субъективных, так и от объективных факторов. Первые определяются индивидуальными языковыми способностями говорящего, его языковой компетенцией. Ко вторым можно отнести степень генетического сходства контактирующих языков, индивидуальные системно-структурные свойства изучаемого языка, определяющие его специфику.

Изучение интерференции проводится как на уровне сопоставительного структурно-лингвистического анализа, так и на уровне ее результата – иноязычного акцента. При этом наименее изученной областью акцента, а потому и наиболее уязвимой в практическом плане, считается интонационное оформление иноязычной речи.

Л.Г. Фомиченко отмечает, что причины возникновения просодической интерференции при изучении языка, результатом которой является акцент в речи билингва, нельзя относить только на счет артикуляторно-физиологических различий носителей контактирующих языков и особенностей в просодических системах сопоставляемых языков. Роль когнитивных факторов родного языка билингвов несомненно важна при исследовании появления и проявления фонетического акцента (Фомиченко, 1998: 215).

Иноязычный акцент как проявление интерференции в речи человека, владеющего двумя языками, может быть стабильным (как характеристика речи коллектива) и преходящим (как особенность чьего-либо идиолекта).

По мнению А.А. Реформатского, акцент – это подмена неизвестных звуков и непривычных сочетаний звуков своими привычными и переосмысление слов с их морфологическим составом и их значениями по навыкам своего языка (Реформатский, 1999: 469).

Помимо сопоставительного анализа, который дает возможности выявить поля вероятности интерференции, отмечают роль анализа типичных ошибок, который показывает конкретные точки этой интерференции и в какой-то мере вскрывает характер ее проявления. Эти два вида анализа обязательны, так как ошибки, которые могут быть при этом выявлены путем сопоставления, как известно, не всегда актуализируются в речи.

Основой выявления интерференции должен быть анализ ошибок, так как именно они являются конкретным ее проявлением. Однако этим не

должно ограничиваться изучение интерференции. Суть не в том, чтобы собрать ошибки, классифицировать их и знать, что они имеют место.

Ошибка в иностранном языке, по мнению Г.М. Бурденюка и В.М. Григоревского, – это обычно «результат неправильной операции выбора языковых средств иностранного языка для выражения правильно запрограммированной мысли». Причины неправильного выбора могут быть различными:

1) семантическое, структурное и функциональное отождествление явлений родного и иностранного языков, а также явлений внутри иностранного языка;

2) влияние таких факторов, как переосмысление на почве недопонимания, возникновение неправильных ассоциаций иногда чисто механического характера (Бурденюк, Григоревский, 1978: 30).

Дело в том, что говорящему на родном языке свободно излагать свои мысли помогает языковое чутье. Билингв же должен переключаться с механизма родной речи на механизм иностранной речи. При этом из-за интерференции часто возникают ошибки, так как в процессе освоения иностранной речи нам свойственно исходить из особенностей речи на родном языке.

С. Kiyitsioglou-Vlachou в своей статье «Последствия ошибок» отмечает, что ошибки могут быть связаны с интерферентным влиянием как родного, так и изучаемого иностранного языка. Когда это влияние проявляется в грамматических показателях, морфологии, структуре предложения, то речь идет о морфосинтаксической интерференции. Если же ошибки состоят в неадекватном выборе слов, налицо интерференция лексическая. Кроме того, на количестве ошибок сказывается психологическое состояние говорящих (стресс, эмоции, усталость и т.д.), а также невнимательность, несерьезное отношение к своей речи (Kiyitsioglou-Vlachou, 2001: 31).

Одним из направлений исследований в рассматриваемой области является поиск путей объяснения механизмов ошибки. Т.Д. Кузнецова (1978) уделяла особое внимание роли механизма установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия на втором языке.

Ошибки в речи на неродном языке, вызванные использованием средств родного языка, – это проявление интерференции. Общей предпосылкой интерференции является то, что человек, говоря на неродном языке, всегда в той или иной мере использует навыки речи на родном (основном) языке (Мечковская, 2000: 173).

В.А. Виноградов полагает, что механизм ошибок принципиально тождествен для процесса овладения языком ребенком и для процесса изучения второго языка взрослым, хотя овладение первым языком отличается от изучения второго тем, что в первом случае отсутствуют готовые схемы, соотносимые с системой и готовые эталоны, соотносимые с нормой, а во втором – требуется не только формировать новые схемы и эталоны, но и развивать способность отключать систему и норму первого языка при пользовании вторым. В связи с этим автор отмечает две составляющие в механизме ошибок в речи на втором языке: интерференцию и аналогию. Интерференция интерпретируется им как «подмена схем и моделей изучаемого языка соответствующими элементами родного языка либо изменение первых по образцу вторых»; она может быть вызвана как системой, так и нормой первого языка. Ошибки, вызванные ложной аналогией, всегда касаются нормы, их источником является сама усвоенная система, воздействующая на норму таким образом, что системно возможное подменяет нормативно принятое. Это воздействие определяется как своеобразная интерференция, происходящая в рамках системы и нормы одного и того же языка или через аналогию с системой и нормой родного языка, отсюда интерференционная аналогия выступает как центральная пружина механизма ошибок, основаниями для действия которой могут быть:

система второго языка, система первого языка, норма второго языка, норма первого языка (Виноградов, 1983: 55-56).

Исследования последних лет убедительно доказали, что только часть ошибок во втором языке может быть объяснена за счет влияния первого языка. Такие ошибки стали квалифицироваться как межъязыковые, т.е. ошибки межъязыковой интерференции. В то же время было обнаружено, что встречается множество одинаковых ошибок, которые допускают изучающие второй язык независимо от характера их первого языка. Ошибки такого рода получили название внутриязыковых, отражающих специфику процесса овладения языком, ход этого процесса, поэтому используется также определение их как «ошибок развития». Ошибки межъязыковой интерференции детально описаны во многих зарубежных и отечественных публикациях. Предлагаемые классификации обычно являются продуктами лингвистического анализа по уровням языка, видам речи и т.п. Внутриязыковые ошибки первоначально также трактовались как обусловленные исключительно интерференцией, а в ходе анализа внимание акцентировалось на тех элементах формы или значения языковых явлений, которые могли вступать во взаимодействие в рамках изучаемого языка. Однако в последние десятилетия в англоязычных публикациях делается акцент на том, что через анализ ошибок такого рода можно и нужно выявлять стратегии, используемые обучаемыми для облегчения себе задач овладения вторым языком (Залевская, 2000: 299-300).

Рассматривая вопрос о психологической природе навыков и определяя навык как единство устойчивости и изменчивости, фиксированности, лабильности, психолог С.Л. Рубинштейн наиболее полно характеризует сложную психофизиологическую природу навыков как динамический стереотип. Он объясняет также способность навыка к переносу элементов и особенностей с одного языка на другой.

Что касается начального периода овладения вторым языком, то здесь наблюдается динамическое, постоянно изменяемое состояние идиолектов второго языка. То, что ярко характеризует идиолект одной личности на данной стадии овладения языком, может быть слабо выражено в идиолекте другой. Главное же – количество ошибок, вызванных интерференцией, со временем уменьшается. К концу обучения (если речь об искусственной ситуации двуязычия) навыки все более приближаются к норме второго языка, а при этническом билингвизме могут привести в конце концов к равноправному овладению языком, который вначале был совершенно чужим (Интерференция в сфере лексики и грамматики немецкого языка, 1990: 8-9).

А.А. Залевская, занимающаяся вопросом искусственного билингвизма, отводит важную роль контрастивному анализу, разработанному в целях выявления особенностей взаимодействия языков в процессе обучения. Выбор контрастивного анализа, как она подмечает, был обусловлен представлениями о том, что овладение языком состоит в формировании навыков через практику и подкрепление. Поскольку ко времени освоения вторым языком навыки пользования первым языком являются прочно установившимися, они оказывают решающее влияние на становление новых навыков второго языка: происходит перенос уже имеющихся навыков. Отсюда, во-первых, наличие расхождений между языками обуславливает значительные различия между овладением первым и вторым языками; во-вторых, до обучения второму языку необходимо предпринимать сопоставительный анализ систем двух языков для выявления фактов совпадения и расхождения и для обнаружения «критических моментов», которые должны быть учтены при обучении для предотвращения интерференции. Используемый в этих целях контрастивный анализ представлял собой сопоставление двух языковых систем, а получаемые таким путем перечни расхождений между языковыми явлениями служили

основанием для прогнозирования трудностей и обусловливаемых ими ошибок обучаемых (Залевская, 2000: 294-295).

Таким образом, мы видим, что путь к преодолению интерферирующего влияния родного языка лежит через глубокое осознание всех особенностей родного и изучаемого языков в сравнительно-сопоставительном плане. Важен не только учет языковых расхождений на всех уровнях языка, но и установление общего в родном и иностранном языках.

1.2.1. Подходы к изучению интерференции

Интерференция как сложное явление представляет интерес не только для специалистов в области лингвистики, но и для социолингвистики, педагогики, психологии, культурологии и т.д.

В плане лингвистики под интерференцией понимают отклонение от норм языка. Другими словами, это особый тип влияния одного языка на другой, который устанавливается в устной и письменной речи многоязычного индивида.

Кроме указанной выше позиции У. Вайнрайха существуют мнения и других лингвистов относительно природы возникновения интерференции. Например, S.G. Thomason и Т. Kaufman особенно отличают субстратную интерференцию от других изменений, происходящих в контактирующих языках. Основанием для этого является результат несовершенного усвоения языка в процессе языкового сдвига, т.е. это такой вид интерференции, когда группа индивидов, усваивающих второй язык, не овладевает им в совершенстве (Thomason, Kaufman, 1988: 38). Теория их базируется на том, что в результате смешения двух языков часто появляется не «третий» язык, а происходит ассимиляция одного из двух контактирующих языков, который вытесняется из общения и утрачивается. Однако вытесненный язык не исчезает бесследно: он как бы «растворяется» в выживающем языке и

видоизменяет его. В зависимости от того, принадлежал ли этот язык местному населению или это был язык пришельцев, выделяют два вида влияния его на сохранившийся язык: субстрат и суперстрат. Субстрат – следы местного вытесненного языка в языке пришельцев. Суперстрат – следы утраченного языка пришельцев в местном языке, который стал, таким образом, языком и коренного и пришлого населения. В исследованиях, посвященных взаимодействию языков, также пишут об адстрате. «Адстрат – язык, находившийся в длительном контакте с другим языком и оставивший в нем следы, но, в отличие от суперстрата, не растворившийся в нем, а продолжающий существовать и самостоятельно развиваться и после прекращения тесных политических, экономических и географических связей с языком, по отношению к которому он рассматривается как исторический адстрат» (Алисова, Репина, Таривердиева, 1987: 104-106).

Вопросы субстрата, суперстрата и адстрата сегодня продолжают оставаться дискуссионными. Но безусловным является то, что популярность того или иного влияния на сохранившийся язык зависит, как видится многим исследователям и в том числе нами, от каждой конкретной ситуации.

Говоря об интерференции, как о процессе, следует также различать две стадии данного явления: в речи и в языке. Структуралистическая теория коммуникации, проводящая различие между языком и речью, принимает в качестве обязательного условия то, что «определенное речевое явление принадлежит определенному языку». Только на этой основе представляется возможным объяснить высказывание, которое содержит некоторые элементы, принадлежащие не тому языку, что все остальные.

Конечно, специфика речевой интерференции отличается от интерференции в языке. Первая возникает в высказываниях двуязычного как результат его личного знакомства с другим языком, то первостепенными факторами здесь являются восприятие элементов другого языка и мотивы этого заимствования. В речи одного и того же двуязычного лица

интерференция может проявляться в различном объеме в зависимости от обстоятельств ситуации общения. Масштабы интерференции, в частности, зависят от собеседника. Если последний одноязычен, то билингв стремится ограничить количество заимствований, которые для него уже стали привычными. Но если собеседник двуязычен, требования к чистоте языка ослабевают, и единицы одного языка могут переноситься в другой без ограничений. В языке же имеют место те проявления интерференции, которые вследствие многократных появлений в речи двуязычных стали привычными и закрепились в употреблении, поэтому круг проблем интерференции в языке включает фонетическую, грамматическую, семантическую и стилистическую интеграции иноязычных элементов в саму систему языка. В данном случае, под интерференцией понимают «речевые факты, проявляющиеся систематически, не поддающиеся тренировке, за которыми четко просматриваются определенные производства высказываний» (Debyser, 1970: 47).

Прошлое каждого языка представляет собой диалектическое единство разнонаправленных линий развития: 1) развития, усиливающего различия между языковыми образованиями; 2) развития, сближающего языки. В каждом направлении иногда различают по две фазы: а) дифференциация как процесс распада праязыка на несколько самостоятельных языков-наследников и б) дивергенция – дальнейшее расхождение, отдаление друг от друга родственных языков. Углубление дивергенции может привести к новому расщеплению прежде единого языка на самостоятельные отдельные языки. В сближающем развитии аналогично: а) конвергенция – возникновение у нескольких языков (как родственных, так и неродственных) общих свойств, сближение этих языков вследствие длительных языковых контактов; б) интеграция – слияние языков в один язык (как завершающий этап их сближения и нивелирования различий). В этом смысле употребляют также термин «скрещивание языков».

«Развитие языка складывается из дивергенции и конвергенции; первую питают импульсы, исходящие из индивидуальной деятельности человека, вторая удовлетворяет потребности в установлении взаимопонимания» (Шухардт, 1950: 78). Именно из потребности взаимопонимания следует исходить при изучении процесса взаимного приспособления говорящего или слушающего. По мнению В.Ю. Розенцвейга, понятие конвергентного развития предполагает «изменение контактирующих языков, которое лингвистически описывается как уподобление характеристик их означающих и означаемых и правил обращения с ними и исторически интерпретируется как результат контактов» (Розенцвейг, 1972: 4).

Следует сказать, что разные исследователи вкладывают в понятие конвергенции различный смысл. Иногда под этим процессом понимается сближение планов содержания языковых знаков двух языков при сохранении их материальных различий, т.е. собственно частный случай результатов языковой интерференции (Myers-Scotton, 2002). А.Ю. Русакова же утверждает, что конвергенция происходит в результате интерференционных изменений, когда языковые системы, находящиеся в контакте, становятся более похожими друг на друга (Русаков, 2003: 4).

Кажется, что интерференция всегда обладает разрушительным действием. Однако история развития языков отвечает на этот вопрос положительно. Некоторые языки, подвергаясь воздействию других на различных уровнях, не утрачивают своей самобытности.

Сегодня явление интерференции привлекает внимание не только лингвистов, но и специалистов других дисциплин. В психологии, например, интерференция понимается как укоренение одной привычки под давлением другой, откуда вытекает тесная связь между интерференцией и трансфером (переносом) навыков. Некоторые из двуязычных носителей овладевают несколькими иностранными языками так же хорошо, как и родным, и интерференция у них оказывается незначительной. Другие владеют вторым

языком значительно слабее, и в их речи постоянно наблюдается сильная интерференция.

С позиции педагогики интерференция – это «изучение негативных влияний, пертурбаций и отклонений, которые испытывает одна система под давлением другой в процессе обучения» (Debyser, 1970: 47).

Рассмотренный под социолингвистическим углом зрения процесс интерференции представляет собой отклонение по отношению к прагматическим нормам ситуации, в которой языки и формы языков строго отобраны и используются только в определенных общностях. Здесь возникает вопрос о так называемой «ситуационной (или контекстуальной) интерференции».

Влияние национальной специфики менталитета на организацию речи остается совершенно неразработанной областью. Процесс межнациональной коммуникации осуществляется в рамках часто не совпадающих национальных ментальных стереотипов, что является результатом непонимания в области коммуникативного поведения общающихся, которое находится в зависимости от нарушений и искажений в организации речевого поведения билингва.

Анализ явлений интерференции показывает, что она может проявляться на всех языковых уровнях – на любом участке контактирующих систем, где имеются структурные расхождения. Все это позволяет выделить следующие ее типы: языковая интерференция – графическая, орфографическая, фонетическая, лексическая, морфологическая, синтаксическая, фразеологическая; речевая – стилистическая, нормативная, узуальная; коммуникативная – тематическая, ситуативная; экстралингвистическая: реалии, язык жестов, неречевое поведение, идеология. Кроме того, в зависимости от «направления», интерференция может быть прямой, обратной или двусторонней; в зависимости от вида речевой деятельности – импрессивной (рецептивной) или экспрессивной

(продуктивной); в зависимости от формы проявления – явной или скрытой; внутриязыковой (внутренней) или межъязыковой (внешней), интерференцией первого или второго и т. д. языка; в зависимости от результата – затрудняющей, нарушающей или разрушающей.

1.2.2. Проблема лингвистической интерференции и заимствования

Как известно, лингвистическая интерференция проявляется на трех уровнях, и в зависимости от уровня языка принято различать следующие виды интерференции: фонетическая и фонологическая, грамматическая, лексическая.

У. Вайнрайх объяснил два основных механизма, которые действуют при изменениях контактного типа – заимствование языковых элементов одного языка в другой и межъязыковое отождествление элементов двух языков и затем аналогичное по своей природе изменение элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка (Вайнрайх, 1979: 31-32).

Соотношение этих двух механизмов различно для разных языковых уровней. Например, для сегментной фонетики наиболее распространенным интерференционным механизмом является отождествление (носителями) звуков двух языков, причем базой для отождествления является звуковое сходство. Процесс заимствования фонем более редок, необходимыми условиями для него являются заимствование значительного количества слов, в которых данная фонема встречается, и, по всей видимости, наличие в принимающей фонологической системе соответствующих условий («пустая клетка»). При интерференции в области морфологии и синтаксиса главным механизмом является межъязыковое отождествление: здесь действуют процессы, аналогичные семантическому сдвигу и калькированию в лексике. Процессы эти могут сопровождаться привнесением в язык, испытывающий

интерференционные изменения, новых грамматических категорий. Что касается прямого заимствования грамматических маркеров, то это довольно нетипичное явление. Однако исследования последних десятилетий показали, что подобные заимствования происходят чаще, чем это принято было считать. При лексической же интерференции наиболее частотным механизмом является заимствование, хотя межъязыковое отождествление также имеет место. Прежде всего, мы наблюдаем его при семантических сдвигах – изменениях значения слова под влиянием отождествленного с ним близкого, но не полностью совпадающего по значению слова другого языка. Межъязыковое отождествление значащих единиц – слов или морфем – может привести к калькированию.

Кроме того, предлагают выделять, наряду с прямой интерференцией, заключающейся в непосредственном – формальном и/или семантическом изменении языковой системы под влиянием другого языка, также косвенную интерференцию, проявляющуюся в выборе между структурно допустимыми вариантами. Впрочем, надо отметить, что в основе обоих видов интерференции лежит, по-видимому, один и тот же механизм. Однако при косвенной интерференции межъязыковое отождествление элементов (конструкций и т.п.) приводит не к их изменению в языке, испытывающем влияние, а к тому, что эти единицы становятся предпочтительными, а иногда и единственными вариантами (Багана, 2004: 46).

Фонетическая и фонологическая интерференция

Сопоставляя фонетические системы различных языков, мы замечаем, что в одном из рассматриваемых языков имеются звуки, которые отсутствуют в другом. Изучение фонетической интерференции состоит в том, чтобы установить, как носитель языка воспринимает и воспроизводит звуки одного языка, который можно назвать вторичным, с точки зрения другого, называемого первичным. Когда двуязычный, отождествляя фонему вторичной системы с фонемой первичной системы, воспроизводит ее по

фонетическим правилам первичного языка, возникает интерференция. Г. Пауль подчеркивает, что двуязычный носитель подставляет «наиболее близкие звуки» своего родного языка на место звуков иностранного языка (Пауль, 1960: 340-341).

Ранее феномен фонетической интерференции описывался учеными как «звуковая субституция». С развитием фонологии исследователи перестали ограничиваться описанием «неправильно произнесенных» звуков и занялись установлением точных причин такого произношения, причем причин, внутренне присущих первичной системе говорящего. Звуки, которые действительно произносит двуязычный, находятся «усредненной» полосе между двумя системами фонем, поэтому определить их фонологические функции представляется сложно.

У. Вайнрайх предлагает строить описание на терминах избыточных и различительных признаков. В результате восприятия языка тот или иной различительный признак может быть признан избыточным, что приводит к недоразличению (*sous-différenciation*). С другой стороны, избыточный признак может быть принят за различительный, что ведет к сверхразличению (*sur-différenciation*). На основе данной терминологии были выделены четыре типа интерференции:

1) недодифференциация фонем, которая происходит тогда, когда смешиваются такие два звука вторичной системы, соответствия которым в первичной системе не различаются;

2) сверхдифференциация фонем, при которой на звуки вторичной системы фонологические различия первичной системы накладываются там, где их не должно быть; этот процесс можно прогнозировать, сравнивая контактирующие звуковые системы;

3) реинтерпретация различий наблюдается в тех случаях, когда двуязычный индивид различает фонемы вторичной системы по тем

признакам, которые для нее являются лишь сопутствующими или избыточными, тогда как для его первичной системы они релевантны;

4) субституция звуков происходит с теми фонемами, которые в обоих языках определяются одинаково, но в их нормальном произношении существуют различия (Вайнрайх, 1979: 45-46).

Стоит подметить, что не все типы интерференции одинаково способны вызывать неправильное понимание даже в условиях одного и того же контекста. Фонетическая субституция, т.е. непривычное произношение опознаваемой фонемы, представляет собой тип интерференции, наименее подверженный непониманию. Несущественными также представляются явления сверхдифференциации, тогда как даже незначительная недодифференциация фонем может привести к дезориентации слушающего.

Хотя одноязычные слушающие обычно четко воспринимают звуковую субституцию и почти не замечают сверхдифференциации, их представление о том, что из явлений, относящихся к двум остальным типам звуковой интерференции, составляет иноязычный акцент, часто бывает совершенно искаженным. Иностранец, замещающий две фонемы одной, реализует последнюю иначе, руководствуясь правилами аллофонии своего родного языка, которые его одноязычному слушателю неизвестны. В случае реинтерпретации фонологических различий, проводимой иностранцем по собственной модели релевантных различительных признаков, артикулируются звуки, которые иногда представляются одноязычному слушателю правильными фонемами, а в других случаях приводят к недоразумениям.

Грамматическая интерференция

Грамматическая интерференция представляет собой одну из наиболее сложных и спорных проблем общего языкознания. Многие крупные лингвисты в первой половине XX века выражали сомнение в том, что в области грамматики вообще возможно какое-нибудь влияние одного языка

на другой. Э. Сэпир по этому поводу говорил: «Мы не находим нигде морфологического взаимовлияния, кроме чисто поверхностного» (Sapir, 1921: 217). По мнению Г. Шухардта, только тесно связанные морфемы могут подвергнуться влиянию иностранного языка (Schuchardt, 1928: 195). Но существуют и противоположные позиции. Например, С.Е. Bazell говорит, что «влиянию, которое может оказывать одна морфологическая система на другую, в принципе нет пределов» (Bazell, 1949: 303).

Подобная противоречивость объясняется несогласованностью понятий и терминов, а также отсутствием единства в разграничении морфологии и синтаксиса, грамматики и лексики. Видными учеными того времени отмечалось, что описание контактирующих языков должно вестись одними и теми же терминами. Неопределенность между словами и другими лингвистическими единицами, между морфологией и синтаксисом, а также спорность их границ могут повлиять на точность производимых наблюдений при сравнении отличия по степени качества.

У У. Вайнрайха мы встречаем: «Грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящие в систему одного языка, применяются к примерно таким же цепочкам элементов другого языка». Согласно этой позиции при грамматической интерференции происходит отождествление «морфемы или грамматической категории языка А с морфемой или категорией языка Б» (Вайнрайх, 1972: 36).

Точку зрения данного лингвиста разделяют сегодня и современные исследователи. Например, А.М. Молодкин пишет в своих работах о том, что на морфосинтаксическом уровне интерференция случается, когда «какая-то грамматическая категория, например, род, существует в изучаемом языке, но отсутствует в родном или когда в обоих языках используются различные структуры для передачи каких-то грамматических отношений, например, пассивных конструкций» (Молодкин, 2001: 17).

В наши дни аккумулирован обширный материал, показывающий, что явление заимствования морфем действительно более редкое и экзотическое, чем семантический сдвиг или калькирование. Основная теоретическая проблема, которая постоянно дискутируется в кругах исследователей, – степень подверженности заимствованию разных грамматических элементов (структур). Обычно в основу подобной шкалы кладутся признаки, существенные для различения основных языковых типов, – морфологическая свобода / несвобода служебной морфемы и степень ее семантической простоты (Wilkins, 1996: 111-114).

Однако если разграничивать морфемы по выполняемым функциям и грамматическим отношениям, то можно получить интересные результаты. Известно, что морфемы включают в себя минимальные звуковые отрезки, которые обладают значением, – основы, приставки, суффиксы, простые слова. Э. Хауген в работе «Языковой контакт» пишет, что «интерференция морфем возникает вследствие идентификации либо их звуковой оболочки, либо их значения... Отождествление морфем, так же, как и отождествление фонем, не обязательно производится на уровне минимальных единиц. Как в правой, так и в левой части формулы может стоять сразу несколько морфем» (Хауген, 1972: 75-76). Если же в целом говорить о вопросе интерференции морфем, то, на наш взгляд, непременно стоит назвать два фактора, влияющих на сам процесс интерференции, – степень синтагматической связанности морфем и ее грамматическую функцию в языке-источнике.

Несомненно, что сейчас более тщательный анализ речи – в частности речи билингвов – позволяет обнаружить большое число случаев перенесения связанных морфем, причем сильно связанных. Но есть смысл принять во внимание, что «такие случаи преходящи и их редко обнаруживают в языке-реципиенте» (Вайнрайх, 1979: 65). Частотность примеров перенесения зависит от целого ряда факторов как культурного, так и языкового порядка. Однако не каждое благоприятное сочетание условий ведет к грамматической

интерференции. Удивительно то, что иногда сама морфема переносится из одного языка в другой для того, чтобы заменить нулевую морфему или морфему, состоящую из небольшого количества фонем.

Разделяя точку зрения о том, что сильно связанная морфема менее подвержена перенесению, следует обратить внимание на то, что некоторые части речи или классы форм могут проявлять большую способность к перенесению в сравнении с другими.

Таким образом, есть основания утверждать, что в речи двуязычных людей морфемы со сложными грамматическими функциями менее подвержены перенесению, чем морфемы с простыми функциями.

Грамматическая интерференция кроме системы морфем затрагивает также область грамматических отношений. Так, У. Вайнрайх предлагает выделять три типа интерференции в области отношений, возникающих на уровне грамматики:

1) копирование отношений другого языка, явно передающее не то значение, которое имел в виду говорящий;

2) копирование отношений другого языка, при котором нарушается существующая в данном языке реляционная модель, из-за чего высказывание либо может вообще утратить смысл, либо его значение выясняется из контекста;

3) третий тип состоит в ненужном применении определенного типа отношений к тому языку, в котором для данной области не требуется какого-либо обязательного вида отношений (Вайнрайх, 1979: 71).

Практически все типы интерференции в названной области отношений являются частотными: порядок слов, согласование, подчинение и другие отношения между грамматическими единицами, а также модуляция просодических характеристик.

Лексическая интерференция

Вторжение языка в природную и социокультурную среду, отличную от среды происхождения, порождает многие другие потребности в выражении и общении, особенно в лексическом плане. Стремление их удовлетворить может иметь следующие последствия:

- 1) языковые ресурсы могут быть использованы для создания новых лексем;
- 2) существующим лексемам могут придаваться новые значения (особенно посредством кальки);
- 3) слова могут быть заимствованы из местного языка.

Под лексической интерференцией понимаются в большинстве случаев «все вызванные межъязыковыми связями изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре» (Жлуктенко, 1974: 129).

По мнению С.В. Семчинского, лексическая интерференция осуществляется в трех направлениях:

- 1) в непосредственном заимствовании лексических единиц;
- 2) в структуре иноязычных лексических единиц;
- 3) в заимствовании их значений, их связей с единицами плана выражения (Семчинский, 1973: 34).

А.Ю. Жлуктенко, со своей стороны, также различает три главнейших типа лексической интерференции:

- 1) заимствование;
- 2) калькирование;
- 3) семантическая интерференция.

Кроме того, он обращает внимание на малоисследованный тип интерференции, такой, «как изменение употребительности лексической единицы одного языка под влиянием единицы другого языка» (Жлуктенко, 1974: 158).

В.М. Дебов пишет о том, что мысль А.Ю. Жлуктенко представляет собой интерес в плане описания дифференциальных признаков перекрещивающихся микросистем. Это означает, что необходимо учитывать то, что интерференция, возникающая в речи билингов, при благоприятных условиях может перерасти в узуальный факт языка, т.е. она не обязана всегда оставаться отклонением от нормы. Став признаками языка, явления интерференционного характера начинают выступать в качестве отличительных признаков той или иной микросистемы. Поэтому интерференция является одним из источников языковой вариативности (Дебов, 1992: 19).

Возникающие расхождения реализуются, по нашему мнению, двояко:

- а) на уровне вариантов системы, т.е. локально маркированный элемент функционирует параллельно с исконным элементом;
- б) на уровне самой системы.

Во втором случае наблюдается вытеснение исконного элемента системы локально маркированным. Таким образом, наличие функциональной характеристики позволяет нам проследить «структурные последствия» в расхождениях в микросистемах.

Из специальных проблем, связанных с лексическими заимствованиями и представляющих интерес для контактной лингвистики, выделяют:

- 1) проблему сравнительной легкости заимствования различных лексических классов (например: существительные – прилагательные – глаголы – предлоги) (Appel, Muysken, 1987: 170-171; Wilkins, 1996: 112-114);
- 2) проблему адаптации (фонологической, морфологической и семантической) заимствований в «принимающий» язык;
- 3) проблему отличия заимствований от явления «смешения кодов».

Процессы лексического заимствования представляют собой самый распространенный тип интерференционных явлений. Это объясняется во многом тем, что лексические заимствования, пожалуй, единственный вид

интерференции, для которого не является необходимым двуязычие и в сколько-нибудь значительной степени заимствования быстро распространяются в одноязычном сообществе.

Кроме того, заимствование является одним из самых распространенных типов лексической интерференции, который не только создает определенные изменения в лексико-семантической системе воспринимающего языка, но и представляет собой реальную основу для возникновения интерференции на других уровнях языка – фонологическом и грамматическом (Жлуктенко, 1974: 133).

Что касается вопроса отношения интерференции и заимствования, то здесь отсутствует единая и общепринятая терминология. Одни исследователи включают понятие «заимствование» в интерференцию, другие противопоставляют эти понятия, третьи, вообще, используют только термин «заимствование». Четвертые вообще полагают, что интерференция – это процесс, а заимствование – и процесс, и результат этого процесса.

Если мы рассмотрим работы S.G. Thomason и T. Kaufman, то увидим, что они анализируют две социолингвистические ситуации, приводящие к действию более или менее интенсивных интерференционных процессов. Это ситуация сохранения языка, испытывающего интерференционное воздействие, с одной стороны, и ситуация языкового сдвига – с другой. Лингвистические последствия первого типа авторы предпочитают называть заимствованием, лексическим и структурным, второго – интерференцией, эксплицитно указывая, впрочем, на то, что это два типа интерференции. Обе ситуации могут характеризоваться разной степенью влияния одного языка на другой. При сохранении языка интерференционное воздействие проявляется сначала в лексических заимствованиях, и только затем наступают структурные (фонетические и грамматические) изменения.

Л.И. Баранникова в свою очередь подмечает, что между заимствованием и интерференцией существуют различия, заключающиеся в следующем:

1) при заимствовании в языковую структуру проникает чужеродный элемент, который подвергается в ней ассимиляции; при интерференции изменяется сама структура или ее отдельные элементы под влиянием воздействия извне;

2) заимствоваться могут отдельные материальные элементы в составе языковой структуры; заимствования связей и отношений этих элементов с другими элементами не происходит; интерференция же связана именно с воздействием связей и отношений, сложившихся в системе одного языка, на систему другого языка; усвоения материальных элементов чужой системы при этом не происходит;

3) заимствование характерно для менее организованных систем языка; интерференция охватывает в первую очередь структурно более строго организованные системы языка;

4) заимствование может иметь место при слабых, кратковременных контактах и даже при отсутствии непосредственной связи носителей языков; интерференция возможна лишь при длительных непосредственных контактах носителей разных языков;

5) заимствование не оказывает существенного влияния на структуру языка, не вносит в нее заметных новых черт; интерференция при особо благоприятных условиях может привести к существенным изменениям в строении языковой системы, в ее внутренних связях и организации (Баранникова, 1972: 93-94).

Мы разделяем выбранную позицию У. Вайнрайхом, и предпочитаем считать интерференцией внесение в систему речи и в систему языка элементов родной речи и родного языка при усвоении и использовании второго языка. Эти элементы родной речи и родного языка переносятся в

другой язык билингва в виду привычности для него использования данных форм и значений в своем родном языке. Сами заимствования могут быть окказиональными, единичными, а интерференция, в целом, предполагает интенсивные контакты и массовые заимствования.

Тем не менее, процесс интерференции отличается от процесса заимствования. Для заимствования необходим языковой контакт, но не обязателен билингвизм. Оно возникает не потому, что человек испытывает влияние родного языка, а вследствие самых разных причин социального характера.

Принципиально интерференция отличается от заимствования как процесс психологического свойства (перенос речевых привычек из одного языка в другой при билингвизме) от процесса обращения к чужому языку по социальным причинам. Однако заимствование и интерференция становятся заимствованиями как результат длительного соприкосновения двух языков.

Среди причин заимствований современные исследователи выделяют внутренние и внешние:

а) низкая частотность слов – слова с низкой частотностью просто недостаточно прочно удерживаются в памяти, чтобы устойчиво функционировать; нечастотные слова менее устойчивы, более подвержены забыванию и замещению;

б) наличие вредной омонимии – иногда слово заимствуется из другого языка только с той целью, чтобы разрешить ситуацию столкновения омонимов;

в) свойство аффективных слов терять свою выразительность – определенные понятия «покрываются» множеством разных обозначений; в некоторых семантических полях постоянно ощущается потребность в синонимах, и когда такие синонимы обнаруживаются в другом языке, их охотно перенимают; данная причина лежит в основе заимствований, не

находящих объяснения в необходимости обозначения новых явлений природы и культуры.

На основании изучения общих причин интерференции можно было бы предсказать возможность перенесения многих слов. Но, как и при фонетической интерференции, в лексическом плане реализуются не все возможные ее виды.

Таким образом, лексическая интерференция слов одного языка в другом может проявляться как в плане выражения, так и в плане содержания. Для простых лексических единиц более обычным является прямое перенесение последовательности фонем из одного языка в другой. Иногда переносимое слово приобретает форму, которая своим составом фонем напоминает либо потенциальное, либо уже существующее в языке-реципиенте слово. Также возможен вариант, когда простые слова расширяют свое употребление по модели других, воздействующих на них.

Для сложных слов и фраз, т.е. составных лексических единиц, возможны три типа интерференции: могут быть перенесены все их компоненты в анализируемой форме; все компоненты могут быть воспроизведены путем семантического расширения; наконец, одни компоненты могут быть перенесены, а другие воспроизведены. Перенесение анализируемых сложных слов происходит тогда, когда компоненты сложного слова или словосочетания приспособляются к моделям словообразования и синтаксиса языка-реципиента.

Воспроизведение посредством собственных эквивалентных слов практикуется по отношению к сложным словам, словосочетаниям и более объемным единицам. Этот вид интерференции называется калькой.

Калькирование выступает важнейшим видом лексической интерференции, характерным для развитого двуязычия, когда уже большое количество членов общества настолько усвоило второй язык, что автоматически переносит его модели на систему основного языка.

Собеседники почти всегда двуязычны, поэтому необычные для одноязычного образования просто не замечаются (Жлуктенко, 1974:152).

Многие ученые, занимающиеся вопросами языкового взаимодействия, проводят некоторое различие между калькой и собственно заимствованием. Например, бытует такое разграничение: заимствование – это перенос формы звуковой и формы значащей; в кальке заимствуется значение, внешняя форма принадлежит заимствующему языку.

Сопоставление общих черт и различий калек и заимствований дает возможность понять существующую между ними разницу. Объединяющими их факторами являются ситуация соприкосновения двух языковых систем, сходные мотивы образования, иноязычная языковая единица как исходный материал и другие. Отличительными являются следующие признаки: способ образования, следствия (при заимствовании словарный запас пополняется новыми неавтохтонными элементами, а при калькировании происходит расширение / обновление значения лексем), и то, что при заимствовании изменяется материальный состав языка, а при калькировании – система лексико-семантических отношений.

Из всего выше сказанного следует, что кальки имеют много общего с заимствованиями, но то, как происходит их образование и какие при этом возникают последствия, позволяет говорить о кальках и заимствованиях как о разных явлениях.

Таким образом, мы видим различие, существующее между двумя основными типами интерференционных явлений: а) заимствованием лингвистических элементов (морфем, слов или устойчивых элементов, больших, чем слово) в целостности их формы и содержания и б) межъязыковым отождествлением единиц двух языков и изменением элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка.

1.3. Интерференция, билингвизм и диглоссия

Важнейшим условием, делающим языковой контакт возможным, является двуязычие и многоязычие. Двуязычие – частный случай многоязычия, но поскольку двуязычные ситуации представляют собой наиболее типичный случай многоязычия, термин «двуязычие» более употребителен, чем «многоязычие», и часто используется вместо последнего. В русской лингвистической традиции наряду с ними широко используются термины билингвизм и мультилингвизм.

В ситуации интенсивно развивающихся языковых контактов проблема билингвизма (двуязычия) и диглоссии приобретает особое значение. Термины «билингвизм» и «диглоссия» иногда неправомерно отождествляются. В связи с этим данные понятия нуждаются в уточнении. Если билингвизм – это взаимодействие двух сосуществующих языков, то диглоссия – это взаимодействие двух сосуществующих разновидностей языка. Опираясь на приведенное выше определение билингвизма, мы можем определить диглоссию как сосуществование разновидностей (подсистем) одного и того же языка в пределах одного и того же коллектива, использующего эти языки в соответствующих коммуникативных сферах, в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта (Швейцер, Никольский, 1978: 112).

Н.Б. Мечковская говорит о диглоссии, как об «особом виде несбалансированного двуязычия» (Мечковская 2000: 108). Диглоссийная ситуация с полным функциональным равенством языков – явление редкое, а поэтому нет никаких оснований выводить диглоссию за пределы многоязычия (Русаков 2003: 8).

Многие из определений двуязычия на сегодняшний день по существу конфликтны между собой, и это факт. Так, У. Вайнрайх в своем труде «Языковые контакты» пишет: «Попеременное использование двух языков»

(Вайнрайх, 1979: 22). Исходя из этого определения, мы вправе сказать, что билингвами можно назвать всех, кто владеет двумя языками. Автор не заостряет внимания на степени владения языками. Столь широкое понимание билингвизма ведет к игнорированию его социальной природы.

В этой связи, по мнению В.Н. Геращенко, представляется возможным сформулировать примерное определение двуязычия, позволяющее проводить различие между двумя его основными видами – социальным (естественным) и учебным (искусственным). Двуязычие – это обусловленная необходимостью обеспечить социальное взаимодействие внутри разноязычного континуума целенаправленная практика попеременного пользования двумя языками некоторой группой индивидов, называемых двуязычными. Таким образом, социальное и индивидуальное двуязычие понимается в работе как процесс, деятельность, а не как состояние, качество (Геращенко, 1982: 4).

Российские исследователи, отмечая особую роль степени владения языком, предлагают следующие определения билингвизма: «билингвизм (двуязычие) – это свободное владение двумя языками одновременно» (Многоязычие и литературное творчество 1981: 7); «двуязычием следует признать одинаково свободное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» (Аврорин, 1972: 51).

Овладение вторым языком – термин, означающий либо специальное овладение иностранным языком, либо стихийное овладение иным языком. Бихевиористские теории 50-80-х годов XIX века объясняли овладение вторым языком в соответствии с общими законами влияния разных факторов на человеческое поведение (имитация, опыт, ошибки). Нативисты в 60-90-е годы XIX века считали, что существует врожденная универсальная грамматика, благодаря которой человек понимает, как функционирует язык, что позволяет выделять в потоке поступающего языка важные параметры и

использовать их при конструировании языка. К настоящему времени эта теория потеряла свое значение, произошла переориентация на когнитивно-психологические свойства человека, позволяющие распознавать значимые признаки и осуществлять коммуникацию при помощи выделенных лингвистических параметров.

Для большинства индивидов первый усвоенный язык – родной язык – является также и языком наибольшего использования, и наоборот – вторые языки обычно являются вторичными и в плане использования, т.е. вспомогательными языками. Но на практике отнюдь нелегко установить, сколько языков индивид использует, и упорядочить их по степени важности (Белл, 1980: 154-155).

Как правило, второй язык выучивается школьным методом, и к нему обычен подход с точки зрения первого языка, т.е. происходит постоянно сравнение семантических эквивалентов разных языков, овладение языком осуществляется через призму уже освоенной и осознанной системы своего языка (Завьялова, 2001: 61).

Применяемый в некоторых случаях термин «родной язык» не является точным социолингвистическим понятием и не имеет ясного эмпирического референта (Вахтин, 2001: 78). Социолингвисты предлагают считать родным «язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого сохраняются и во взрослом возрасте» (Беликов, Крысин, 2001: 22). В этом определении сохраняются элементы неопределенности, так как не ясно, что представляют собой эти сохраняющиеся навыки. Также двусмыслен и термин «материнский язык», особенно в билингвальной ситуации, когда у матери и отца ребенка могут быть разные языки.

Наконец, особая ситуация возникает в случаях, когда «адекватное знание первого языка утрачивается, а второй язык осваивается в ограниченных пределах» (Там же: 58). Подобную ситуацию называют полуязычием (Полинская, 1987).

Теория языковых контактов предлагает несколько классификаций билингвизма. В основе классификации, предложенной Е.М. Верещагиным, лежит степень владения языком. Его классификация включает три уровня билингвизма: рецептивный (понимание речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе), репродуктивный (умение воспроизводить прочитанное и услышанное) и продуктивный (умение не только понимать и воспроизводить, но и строить цельные, осмысленные высказывания) (Верещагин, 1969: 22-25).

В.Д. Бондалетов предлагает различать индивидуальный билингвизм как знание двух языков отдельными членами социума и массовый билингвизм как знание двух языков большим контингентом говорящих (Бондалетов, 1987: 83).

В.И. Беликов и Л.П. Крысин различают три основных типа индивидуального билингвизма: субординативный, координативный и смешанный. По мнению авторов, при субординативном билингвизме говорящие воспринимают второй язык через призму родного: понятия соотносятся с лексическими единицами родного языка, а последние – с единицами второго языка. При координативном (чистом) билингвизме два языка суперавтономны, каждому соответствует свой набор понятий, грамматические категории двух языков также независимы. Смешанный билингвизм подразумевает единый механизм анализа и синтеза речи, а сосуществующие языки различаются лишь на уровне поверхностных структур. Три выделенных типа билингвизма, конечно, представляют собой идеальные упрощения; у реального билингва преобладает один из них. Субординативный билингвизм по своей природе означает вторичное, неполное владение вторым языком и характерен для начинающих билингвов, но уже на ранних стадиях овладения языком ему сопутствуют элементы координативного и смешанного двуязычия. При эффективном двуязычии реально существуют координативное и смешанное двуязычие (а часто и

элементы субординативного) с преобладанием одного из них (Беликов, Крысин, 2001: 56-57).

В общем, двуязычие и многоязычие выступают одним из важных факторов, влияющих на развитие национальных негомогенных языков, способствуя их вариативности в определенной территориальной и социальной среде. К этому фактору иногда прибавляется фактор диглоссии в пределах одного из контактирующих языков. Простейший вариант языкового состояния – это случай, когда индивид или языковая общность владеет лишь одной формой существования языка. Это моногlossия. Ей противопоставлена диглоссия – пользование двумя и более формами существования данного языка. По мнению В.А. Аврорина, моногlossия характерна для начальных этапов развития языка, когда каждый человек пользовался одним языком, еще не имевшим диалектного дробления; встречается моногlossия и на значительно более поздних этапах, когда имеет место владение одним диалектом (Аврорин, 1975: 66). Основной же формой состояния языка обычно служит диглоссия, поскольку каждый индивид принадлежит одновременно нескольким разным коллективам и может пользоваться разными языковыми подсистемами. Во многих странах люди говорят дома на диалекте или на местном языке, а в официальной ситуации используют литературный вариант государственного языка. Подобную языковую ситуацию называют диглоссией.

Термин «диглоссия» греческого происхождения, этимологически имеет то же значение, что и билингвизм. С 1959 года его авторство приписывают С.А. Ferguson. В дальнейшем понятие «диглоссия» было систематизировано американским социолингвистом J.A. Fishman (1971). И все же впервые данный термин употребил французский лингвист J. Psichari (1928), который использовал его для того, чтобы охарактеризовать социолингвистическую ситуацию в Греции. В истории русского литературного языка (РЛЯ) этот

термин использовали такие исследователи, как А.В. Исаченко, Б.А. Успенский.

До определенного времени для исследования языковых контактов лингвисты использовали только лишь термин билингвизм. Это затрудняло выделение индивидуального аспекта – человека, говорящего на нескольких языках, и аспекта социального – сосуществование нескольких языков или их вариантов в пределах страны, региона или общности. Чтобы избежать неясности и лучше описать разделение языков внутри одной общности, североамериканским социолингвистом С.А. Ferguson было разработано понятие диглоссии, вернее систематизировано.

«Диглоссия представляет собой относительно стабильную ситуацию, при которой, наряду с первичными диалектами (стандартным языком и региональными вариантами), существует также отличный от них вариант, строго кодифицированный, представленный в литературных произведениях предшествующей эпохи или в другой языковой общности, который активно используется при составлении документов и официальных речей, в образовании, но исключен из повседневного употребления» (Ferguson, 1959).

Н.Б. Мечковская предлагает нам следующие характеристики диглоссии:

1) такое функциональное распределение языков, когда один из них используется в высоких сферах и ситуациях общения и не принят в повседневном общении; другой язык, напротив, возможен только в повседневном общении и некоторых жанрах письменности, например, в договорах, публичных объявлениях, рекламе, иногда в низких жанрах художественной литературы;

2) престижность книжного языка;

3) надэтнический характер престижного языка; ни для одной из этнических или социальных групп населения этот язык не является родным;

4) искусственный характер овладения престижным языком, так как такой язык не используется в обиходе, им нельзя овладеть естественным путем (от матери, в семейно-бытовом общении в детстве) (Мечковская, 2000: 109).

Важным условием при диглоссии является то обстоятельство, что говорящие делают сознательный выбор между разными коммуникативными средствами и используют из них то, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации (Беликов, Крысин, 2001: 58-59).

Ж. Гумперц расширил границы данного понятия, включив в него различные стилистические регистры языка, на первый взгляд, монолитической общности, для того чтобы посредством иерархичности лингвистических привычек выделить наиболее яркие социальные различия. Таким образом, о диглоссии можно говорить, как в случае официального признания сосуществования нескольких языков, так и при наличии различных стилистических регистров одного языка, которым присущи различные функции. P. Wald уточняет границы данного понятия и сферу его применения:

1) диглоссические отношения между двумя диалектами, описанные Фергюсоном в 1959 году, – продукт соединения двух критериев: взаимодополняемости их социальных функций и их лингвистическое объединение, которого должно быть достаточно для того, чтобы судить об их взаимосвязанности в общем металингвистическом представлении общности;

2) даже если функциональная взаимодополняемость является неременным условием диглоссии, ситуации, в которые она попадает, могут наделять ее разными социологическими последствиями;

3) по мнению J.A. Fishman, данный термин используется для того, чтобы подчеркнуть доминирующую роль языка или диалекта, независимо от специфических последствий объединения под статусом «высшего» диалекта и уменьшения его использования местным населением;

4) в то же время понятие «диглоссия» обращено не к классификации состояния, а к динамике ситуаций; при его использовании можно представить внутреннюю языковую практику общности, относительно ограниченной социолингвистическим окружением города, региона или страны, не обязательно диглоссическую (Wald, 1986: 53).

Но представление С.А. Ferguson о бесконфликтном сосуществовании языков весьма спорно. У W. Bal мы находим: «Язык наделен двумя функциями – объединяющей и разделяющей» (Bal, 1977: 276).

Стоит отметить и позицию, которой придерживаются провансальские лингвисты P. Gardy и R. Lafont, расширяющие анализ языковой ситуации до понятия лингвистического конфликта, где диглоссия всего лишь один из аспектов (Gardy, Lafont, 1981: 75). За всем этим стоит конфликт, происходящий из исторического превосходства одного из языков, а также из их различной социолингвистической эффективности и престижа. В этой связи каталонская и провансальская социолингвистика говорят о дилемме. В первом случае подавляемый язык освобождается и приобретает функции, до этого зарезервированные за доминирующим языком, который постепенно исчезает. Во втором – доминирующий язык служит причиной вырождения подавляемого языка. W. Marçais констатирует именно такую ситуацию между арабским и французским языками в Алжире (Marçais, 1974:124).

Прагматика предлагает также расширить понятие диглоссии явлением диглоссического функционирования, что представляло большой интерес для каталонских лингвистов. Разговор о диглоссии и функциях языков «замораживает» динамичный конфликт, находящийся в постоянном развитии. Говорить о диглоссическом функционировании означает пересмотреть диглоссию с точки зрения говорящих и показать, что она является генератором дискурсивных стратегий (зрелищность, ненависть к себе) или затормаживания (колебания, оговорки), которые являются движущими силами конфликта.

Таким образом, термин «диглоссия» полон противоречивости. Многое еще предстоит уточнить, чтобы окончательно разобраться в данном явлении, имеющем место при контактном взаимодействии языков.

Выводы по ГЛАВЕ I

Анализ теоретической литературы позволил сделать вывод о том, что проблема интерференции действительно сегодня привлекает внимание многих исследователей. Их интересуют самые разные аспекты. В своей теоретической части мы попытались осветить самые распространенные из них. Их суть сводится к следующему:

а) во-первых, следует различать понятия «языковой контакт», «двуязычие», «многоязычие», «диглоссия», «триглоссия», «интерференция» и «заимствование», существование которых является примечательной особенностью любой коммуникативной среды, где есть взаимодействие языков;

б) во-вторых, выявленные различные типы интерференции следует рассматривать на фонетическом, грамматическом, лексическом уровнях; исследуя интерференцию, необходимо применять комплексный подход, а не ограничиваться лишь одним методом;

в) в-третьих, интерференция принципиально отличается от заимствования, при котором перенос речевых привычек из одного языка в другой возникает на психологической основе. Процесс заимствования предстает как процесс обращения к чужому языку по существующим социальным причинам. Заимствование и интерференция возникают при длительном соприкосновении двух языков.

ГЛАВА II. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РЕЧИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

Достаточно логичной представляется точка зрения, согласно которой интерференция в РЯ англоязычных студентов, изучающих РЯ как иностранной на основных факультетах, проявляется по-разному. Это обусловлено в первую очередь структурными различиями родного и иностранного языка, а также языковым уровнем, на котором она имеет место возникать.

В настоящей главе мы попытаемся описать механизмы интерференции, действующей на фонетическом, морфолого-синтаксическом и лексико-семантическом уровнях.

2.1. Фонетическая и фонологическая интерференция

Наблюдение в использовании РЯ студентами основных факультетов разных российских вузов позволяет говорить о том, что особенности произношения вместе со спецификой словаря составляют основную массу отличительных признаков, противопоставляющих литературной вариант «университетскому».

Фонетические особенности РЯ англоязычных студентов в основном являются следствием интерференции иноязычной фонетической системы. Как отмечает А.М. Молодкин, «фонологические черты языка, изучаемого в качестве второго, могут рассматриваться под углом интерференции со стороны родного языка, вследствие чего фонологическая система разновидности второго языка формируется в результате приспособления к ней существующей фонологической системы родного языка» (Молодкин, 2001:144).

Особенности произношения РЯ обучающихся проявляются в системе согласных (консонантизме), а также в просодических характеристиках речи (ударении, ритме, мелодике). Наличие отличительных черт свидетельствует о существовании на основных факультетах своего стиля произношения, отличающегося от литературного варианта.

Для описания специфических черт «университетского» произношения на РЯ приведём сравнительную характеристику произносительной нормы с английской.

Фонетическая система английского языка включает 44 звука (20 гласных и 24 согласных).

Таблица 2.1.

Гласные и согласные фонемы современного АЯ

Согласные		Гласные	
парные	непарные	монофтонги	дифтонги
(p) - (b)	(m)	(ʌ)	(eɪ)
(t) - (d)	(n)	(æ)	(aɪ)
(k) - (g)	(l)	(ɔ)	(əʊ)
(s) - (z)	(r)	(e)	(aʊ)
(f) - (v)	(w)	(ɪ)	(ɔɪ)
(θ) - (ð)	(j)	(u)	(ɪə)
(ʃ) - (ʒ)	(h)	(ə)	(uə)
(tʃ) - (dʒ)	(ŋ)	(ɔ:)	(εə)
		(a:)	
		(u:)	
		(i:)	
		(ə:)	

Гласные могут быть переднего и заднего ряда, они могут быть открытыми и закрытыми, округленными и неокругленными, чистыми и носовыми. Чтобы понять данные определения, нужно представлять строение артикуляционного аппарата.

От положения языка зависит подразделение гласных на передние и задние, открытые и закрытые. От участия губ зависит подразделение гласных

на округленные и неокругленные. От положения небной занавески зависит деление гласных на чистые и носовые.

При артикуляции различных звуков надо точно соблюдать правильное положение языка, губ и небной занавески.

Английские гласные звуки делятся на монофтонги, т.е. звуки состоящие из одного элемента, и дифтонги, или трифтонги, т.е. звуки состоящие из 2-х или 3-х элементов. Гласные звуки могут быть краткие и долгие. Долгота звука обозначается в транскрипции 2-мя точками (i:), (o:).

По участию органов речи (по артикуляции) гласные звуки подразделяются на:

- переднеязычные - звуки, образуемые передней частью языка - (ɪ), (i:), (æ)
- среднеязычные - звуки, образуемые средней частью языка - (ʌ)
- заднеязычные - звуки, образуемые задней частью языка - (ɑ:), (u)
- закрытые - звуки, образуемые при небольшом раскрытии рта - (ɪ), (i:), (u)
- открытые - звуки, произносимые с широко открытым ртом - (æ), (ɑ:)
- полуоткрытые (полузакрытые) – звуки, образуемые полуоткрытым ртом - (e), (ʌ).

Английские согласные классифицируются по следующим принципам:

- по способу образования преграды:
  - смычные - (k), (g), (p), (b), (m), (n)
  - щелевые - (f), (v), (h), (l), (j), (w), (r), (t), (d), (θ), (ð)
  - смычно-щелевые - (tʃ), (dʒ)
- по работе активного органа речи и месту образования преграды:
  - губно-губные - (p), (b), (m), (w)
  - губно-зубные - (f), (v)
  - переднеязычные - (l), (n), (z), (s), (θ), (ð), (r), (t), (d)
  - среднеязычные - (j), (ʒ)

- заднеязычные - (k), (g), (h)
- по участию голосовых связок:
- звонкие - (r), (b), (g), (v), (m), (ð), (z), (d), (n)
- глухие - (p), (f), (θ), (k), (t), (s), (ʃ), (tʃ)

Конечные глухие согласные характеризуются сильной артикуляцией, значительное ослабление артикуляции присуще конечным звонким согласным.

Согласные звуки английского языка произносятся более энергично, чем соответствующие звуки русского языка. Большинство из них произносятся с придыханием (аспирацией).

Следует отметить, что звук У может функционировать как гласное или согласное. Как гласное, она имеет гласные звуки (i), (ai), а как согласное, имеет согласный звук (y) (т.е. полугласный звук), обычно в начале слова и только в слоге перед гласной. Например:

(i): city, any, synonym, funny, carry, mystery

(ai): my, baby, cry, type, signify, rely

(y): you, yes, yield, yard, yet, yam

Система английских гласных количественно превосходит аналогичные системы в других романских и германских языках. Большое количество гласных звуков является одной из причин неустойчивости английского вокализма. В отличие от системы гласных система согласных АЯ отличается относительной стабильностью.

2.1.1. Произношение гласных

Влияние русского языка (РЯ) на фонологию АЯ проявляется в том, что стирается различие между чистыми гласными. Дело в том, что фонетическая

система современного РЛЯ содержит 6 гласных фонем: (и), (э) ((е)1), (ы), (а), (о) и (у). Подобный набор гласных свидетельствует о большей устойчивости фонологической системы гласных РЯ по отношению к АЯ.

Существующая классификация гласных, которую мы находим в работах современных исследователей, учитывает следующие условия образования гласных:

- 1) степень подъёма языка,
- 2) место подъёма языка и
- 3) участие или неучастие губ.

Самым существенным из этих условий является положение языка, изменяющее форму и объём полости рта, от состояния которых и зависит качество гласного.

Таблица 2.2.

Гласные фонемы современного РЛЯ

	Ряд	передний	средний	задний
Подъём		нелабиализованные		лабиализованные
верхний		и	ы	у
средний		э(е)		о
нижний			а	

Фонетической системе современного РЛЯ свойственно явление позиционных изменений, реализуемое посредством мены звуков в зависимости от различия возникающих фонетических условий. В целом принято различать два принципиально разных типа позиционной мены фонем.

Первый тип представляет позиционные мены, при которых образуются параллельные ряды фонем. В словах *пат, спать, спят, пять* ударный звук (а) находится в различных фонетических условиях и потому различается по

¹ Здесь и далее – обозначение гласного среднего подъёма э [e] нельзя путать с буквой е.

своему качеству. Позиционные мены звука (а), таким образом представлены рядом звуков: (а), (а•), (•а), (•а•).

Кроме среднеязычного (а), явление параллельных рядов характерно и для (о) и (у): *плот – плоть – плётка – переплётё* (плот – пло•т’ – пл’•откъ – п’ър’и°пл’от’ь), *суда – судя – сюда – сюсюкать* (судá – сý•д’ь – с’•удá – с’ÿс’ÿкът’).

Позиционные мены гласных (а), (о), (у) можно представить в следующей таблице:

Таблица 2.3.

Позиционные мены гласных (а), (о), (у)

После твёрдых согласных		После мягких согласных	
перед твёрдыми (I)	перед мягкими (II)	перед твёрдыми (III)	перед мягкими (IV)
(а)	(а•)	(•а)	(•а•)
(о)	(о•)	(•о)	(•о•)
(у)	(у•)	(•у)	(•у•)

(а), (о), (у) находятся в тождественных фонетических положениях (I, II, III, IV) и образуют параллельные ряды, называемые вариациями гласных фонем. Характерной особенностью параллельной мены является равное количество звуковых единиц.

Второй тип представляют позиционные мены, при которых образуются непараллельные ряды фонем, пересекающиеся друг с другом, имеющие один и более общих членов. Примером непараллельных мен является мена гласных в зависимости от места по отношению к ударению. Они называются вариантами гласных фонем. Этот тип позиционных мен представлен в следующей таблице:

Позиционные мены гласных по отношению к ударению

После твёрдых согласных	
в ударном слоге (о), (а)	в первом предударном (ʌ)
вол	(вʌльЫ)
вал	(вʌльЫ)

Как можно заметить, (а), (о) в тождественной позиции (после твердого согласного в первом предударном слоге) в результате позиционной мены представлены одним (ʌ), при этом в разных позициях различается неодинаковое количество звуковых единиц: под ударением (а) и (о), а в первом предударном слоге – один (ʌ).

Наличие в фонологической системе РЯ двух типов позиционной мены звуков – параллельной и непараллельной – является, на наш взгляд, важнейшим фактором, обуславливающим приспособление к английской фонологической системе гласных. Так, например, у студентов основных факультетов не возникает больших проблем при воспроизведении таких фонем как: (и), (э), (а), (о).

Проблемы появляются только тогда, когда встречаются фонемы, несвойственные – отсутствующие – в фонетической системе родного языка. Среди них мы находим: (ы) и (у).

Говоря об общих специфических чертах произношения на РЯ студентов основных факультетов, следует подчеркнуть, что произносительные привычки в складывающемся варианте РЯ не обладают никакой степенью фиксации, так как для преподавателей ориентиром обучения учащихся остаётся стандартный вариант РЯ.

Для более полного анализа особенностей произношения гласных в РЯ англоязычных учащихся основных факультетов рассмотрим наиболее часто встречающиеся оппозиции гласных звуков, возникающие вследствие

интерференционного влияния со стороны АЯ по принципу простого замещения:

1) оппозиция (и) / (ы)

Контраст между данными фонемами соблюдается с большим трудом на начальном уровне обучения РЯ – 1 курс. Кроме того, его можно наблюдать в отдельных случаях и на среднем (2-3 курс) и заключительном (4-6 курс) этапах обучения РЯ. Исключение составляет положение гласной в конце слова, когда, в зависимости от контекста, говорящие могут произносить (ы) как (и).

Для АЯ не существует оппозиции (ы) / (и). Поэтому студенты, говорящие по-английски, в большинстве случаев не видят разницы между произношением. Например: *выходной, губы, вы, выступление.*

2) оппозиция (э) / (j) + (э)

Еще одним из отличительных признаков «студенческого» произношений можно считать утрату оппозиции (э) / (j) + (э) в начальной позиции в слове. Примером служат следующие слова: *Елена, Екатерина, Европа, Эквивалент и т.д.*

Данная замена сочетания полугласного или полусогласного (j) в сочетании с (э) на одиночную фонему (э) объясняется тем, что в родном языке учащихся подобное сочетание фонем просто отсутствует или является несвойственным. Произносительные привычки вынужденно приводят к тому, что студенты употребляют наиболее близкий вариант фонемы к их родной системе гласных фонем.

3) оппозиция (y) / (j)+(y) и (j)+(y) / (y)

Сочетанию фонем (j)+(y) иногда свойственно заменяться фонемой (y) в речи практически всей части англоязычного студенчества из африканских стран основных факультетов. Отсутствие данного сочетания фонем в родном языке создаёт определённые трудности в его реализации в русской речи. Например, если взять слова *люди, любовь, отсюда и т.д.* Удивительно, но

данный процесс в начальной позиции под влиянием родного английского языка приводит к обратной замене (y) на сочетание (j)+(y): *университет, уютюг и т.д.*

2.1.2. Произношение согласных

Интерферирующее влияние АЯ на систему согласных РЯ на основных факультетах проявляет себя намного меньше, чем на систему гласных. В АЯ насчитывается 24 согласных фонем, в РЯ их 34. Большая часть английских звуков не представляет для студентов особых трудностей. Например, реализация носовых (м), (н), а также фонем (к), (л) происходит довольно легко. Реализация же некоторых фонем немного сложнее: *х, р, ц, ш'*.

Для более четкого представления системы согласных РЯ рассмотрим следующую таблицу:

Таблица 2.5.

Согласные фонемы современного РЯ

Участие голоса и шума	Место образования		губные				язычные							
			губно-губные		губно-зубные		зубные		небно-зубные		средне-небные		задне-небные	
	Способ образования		тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.
шумные	смычные	глух.	(п)	(п')			(т)	(т')					(к)	(к')
		звон.	(б)	(б')			(д)	(д')					(г)	(г')
	щелевые	глух.			(ф)	(ф')	(с)	(с')	(ш)	(ш')			(х)	(х')
		звон.			(в)	(в')	(з)	(з')	(ж)	(ж')		(j)	(ã)	(ã')
	аффрикаты	глух.					(ц)			(ч')				
		звон.					((дз))			((д'ж'))				
сонорные	смычно-проходные	носовые		(м)	(м')			(н)	(н')					
		боковые (ротовые)						(л)	(л')					
	дрожящие (вibrанты)							(р)	(р')					

* П р и м е ч а н и е : Звуки, данные в круглых скобках, являются разновидностями соответствующих фонем.

Заметим, что в современном РЛЯ согласные фонемы произносятся наиболее определенно, т.е. максимально дифференцируются, только в положении перед гласными фонемами <a>, <o>, <y>, <i>.

Согласные фонемы, как и гласные, образуют закономерные ряды сильных и слабых фонем и их разновидностей. Сильными согласными фонемами являются все согласные фонемы РЛЯ в абсолютно сильной позиции, т.е. перед гласными (а), (о), (у); в этой позиции различаются все имеющиеся в современном РЛЯ согласные фонемы.

Слабыми согласными фонемами являются согласные в слабых позициях, в которых выступает меньше согласных. Их наличие объясняется действием существующих фонетических законов, к которым относят:

1) *Фонетический закон конца слова*. Шумный звонкий согласный на конце слова оглушается, что приводит к образованию омофонов: *порог – порок, молод – молот, коз – кос* и т.п. В словах с двумя согласными на конце слова оба согласные оглушаются: *груздь – грусть* (грус'т') и т.д.

2) *Ассимиляция согласных по звонкости и глухости*. Сочетания согласных, из которых один глухой, а другой звонкий, не свойственны РЛЯ. Поэтому, если в слове оказываются рядом два разных по звонкости согласных, происходит уподобление первого второму. Такое изменение согласных звуков называется регрессивной ассимиляцией.

Озвончение глухих согласных встречается реже, чем оглушение звонких; переход звонких в глухие создаёт омофоны: (*дúшкь – дúшкъ*) (*дужка – душка*), (*в'и'с'т'й – в'и'с'т'й*) (*везти – вести*).

4) *Ассимиляция согласных по мягкости*. Твёрдые и мягкие согласные представлены 12 парами фонем:

Твердые и мягкие согласные современного РЛЯ

	Парные	Непарные
Твердые	б в д з л м н п р с т ф	ж ш ц г к х
Мягкие	б' в' д' з' л' м' н' п' р' с' т' ф'	ж' ш' ч'

Ассимиляция по мягкости имеет регрессивный характер: согласный смягчается, уподобляясь последующему мягкому согласному. В указанном положении не все согласные, парные по твердости-мягкости, смягчаются и не все мягкие согласные вызывают смягчение предыдущего звука. Например, согласные, парные по твёрдости-мягкости, смягчаются в следующих слабых позициях: 1) перед гласным звуком (е): (б'ел), (в'ес) (*бел, вес*); 2) перед (и): (м'ил), (п'ил'и) (*мил, пили*) и т.д.

5) *Ассимиляция согласных по твёрдости.* Ассимиляция согласных по твёрдости осуществляется на стыке корня и суффикса, начинающегося твердым согласным: *слесарь – слесарный* и т.п.

6) *Ассимиляция зубных перед шипящими.* Этот вид ассимиляции распространяется на зубные (з), (с) в положении перед шипящими (передненёбными) (ш), (ж), (ч), (ш') и заключается в полном уподоблении зубных (з), (с) последующему шипящему.

7) *Упрощение сочетаний согласных.* Согласные (д), (т) в сочетаниях из нескольких согласных между гласными не произносятся: (у́сныі) (*устный*).

8) *Сокращение групп одинаковых согласных.* При стечении трёх одинаковых согласных на стыке предлога или приставки со следующим словом, а также на стыке корня и суффикса согласные сокращаются до двух: (рассор'ит') (*раз+ссорить*) и т.п.

Все вышеперечисленные фонетические законы свидетельствуют о том, что в современном РЛЯ феномен слабой позиции согласных фонем – явление

довольно распространенное. Оно способствует упрощению артикуляции группы трудносочетаемых фонем.

Парные по глухости-звонкости согласные являются сильными и различаются в позиции (сильной) перед гласными фонемами, сонорными <р>, <л>, <м>, <н> и перед <ј>, <в>, <в'>. Например: *год – кот, звал – свал*. Иные позиции являются слабыми, и в них согласные фонемы, парные по глухости-звонкости, выступают как слабые и не различаются.

Слабыми позициями являются: 1) положение на конце слова, 2) положение перед глухими согласными, 3) положение перед звонкими согласными. Например: (рот) – (рот), (лѳткъ) – (лѳткъ), (здат') – (здѳн'иѳъ) (*род – рот, лодка – латка, сдать – здание*).

Парные по мягкости-твердости выступают в качестве сильных согласных и различаются в следующих сильных позициях, где качество согласных не обусловлено и является независимым: 1) на конце слова: *кров – кровь*; 2) перед гласными, кроме (е): *мал – мял*; 3) переднеязычные <д>, <т>, <з>, <с> – перед заднеязычными (к), (г), (х) и твердыми губными (б), (п), (в), (ф), (м): *отметка – отметь-ка*; 4) <л>, <л'> перед всеми согласными: *волна – вольна* и т.п.

Указанные позиции для согласных, парных по твердости-мягкости, являются сильными, а выступающие в этих положениях согласные фонемы – сильные, так как их качество позицией не обусловлено и является независимым.

Непарные по мягкости-твердости согласные фонемы образуют две различные группы: 1) согласные фонемы <ш>, <ж>, <ц> во всех положениях выступают как твердые (ср. *жар, жор, жук, жир, жесть*); 2) согласные фонемы <ч'>, <ш'>, <ж'> во всех позициях являются мягкими (ср. *час, чок, чик, чек, еще, возжи* и т.п.); 3) фонема <ј> всегда выступает как мягкая (*ѳи'да*), (*ѳу'ла*); 4) задненѳбные фонемы <г>, <к>, <х>, не различающиеся по

твёрдости-мягкости, выступают в своих мягких вариантах перед (е), (и) (ср. *гид, кит, хил, гелий, букет, хетты*).

Фонема <j> употребляется в двух разновидностях: <j> – согласный средненёбный и <i> – неслоговой гласный. Принято считать первую разновидность основным видом фонемы, а вторую – вариантом. Основной вид данной фонемы употребляется только перед ударными гласными, во всех прочих позициях выступает вариант фонемы <i> (ср.: (j·ат) и (маi), (в^iнá) и (м^j·ú) – *яд, май, война, мою*).

Представленная краткая характеристика фонем РЯ, а также существующих фонетических законов в области произношения согласных, показывает, что реализация русских фонем должна происходить без определённых трудностей. Но, как показывает практика, иногда возникают проблемы.

Рассмотрим существующие особенности в реализации русских согласных фонем африканскими англоговорящими студентами основных факультетов.

1) фонема (ц)

В АЯ близкий к русской фонеме (ц) является согласная буква z, которая передаётся звуком (z), как в *zero, zoo, crazy, jazz, puzzle*, или сочетанием звуков (ts): *nazi, waltz, pizza*.

Англоязычные студенты из Африки иногда делают ошибки в правильной реализации русского (ц): *царь, цапля, цирк и т.д.* Вместо русской фонемы (ц) чаще всего используется английский аналог – фонема (z).

2) фонема (р)

Хотя данная фонема и присутствует в АЯ и РЯ, но по артикуляции они совершенно отличаются. В РЯ это небно-зубные вибрант, а в АЯ – переднеязычный щелевой звонкий. Такое отличие в артикуляции ставит серьезные проблемы для англоговорящих учащихся. Чаще всего они русский звук заменяют просто на английский вариант: *рок, друг, карта и т.д.*

3) фонема (ш')

В РЯ данный звук является небно-зубным щелевым. В АЯ такого твёрдого звука нет. Близким к русскому (ш') в АЯ может служить сочетание двух английских согласных. Например: sh (ʃ) - *share, shine, fish* и т.д.

В АЯ мягкость русской фонемы (ш') сложно передать и поэтому студенты в речи чаще всего делают подмену и используют фонему (ш), близкую по артикуляции к английской фонеме (ʃ): *Щорса, щетка, плащ, пощелкать и т.д.*

4) фонема (х)

В АЯ согласный звук (к) – самый близкий к русскому звуку (х). Хотя есть эквивалент английского (к) в РЯ, но англоязычные студенты из Африки не видят разницы и ставят звук (к) в русских словах: *хороший, хлеб, похвала, пух и т.д.*

Заметим, что в АЯ данный звук присутствует в самых разных комбинациях, что делает его уникальным в плане использования:

c (k): *come, cake, cucumber, panic*

k (k): *Kate, sky, break*

q/qu (k): *unique, technique, antique*

cc (k): *accommodate, account, occur*

ch (Latin, Greek) (k): *chemical, character, Chris, archive, ache*

ck (k): *black, pack, kick, cracker, rocket*

Представленные выше особенности артикуляции и произнесения русских фонем англоязычными студентами Африки основных факультетов российских вузов включает и другие трудные русско-английской оппозиции. Нами были приведены наиболее очевидные проблемы в реализации русских фонем в речи учащихся-иностранцев.

2.1.3. Интонационные особенности

В РЯ различаются словесное, тактовое и фразовое ударения.

Фонетически ударение может реализоваться путём повышения интенсивности ударного слога, достигаемого увеличением мускульного напряжения и усилением выдоха – силовое ударение; путём изменения высоты голосового тона – музыкальное ударение; путём удлинения звука – количественное ударение.

Русское силовое (динамическое) ударение в отличие от английского может выражаться в деформации гласных неударных слогов – так называемая редукция гласных ((в[^]і́на) война). В пределах слова различаются главное и второстепенное ударения. Ударный слог выделяется всегда большей длительностью по сравнению с неударными, которые могут не отличаться от ударного по интенсивности (самолётостроёние).

Важными морфологическими свойствами ударения являются его подвижность и фиксированность. В РЯ в отличие от АЯ, наблюдается первое. Это означает, что подвижность ударения служит для различения грамматических форм (кúните – купíte), она образует акцентные парадигмы, соотносимые с морфологическими парадигмами склонения (огорóд, -а, -у, -ом, -е, -ы, -ов, -ам, -ах или гóрод, -а, -у, -ом, -е, -á, -óв и т.д.) и т.д.

Следует заметить, что русское ударение, являясь подвижным, обладает и другой особенностью, которая может быть названа как «разноместность ударения». Этот феномен объясняется естественной необходимостью различения омографов и их грамматических форм (óрган – оргáн), а в некоторых случаях выступает средством лексической дифференциации слова (хáос – хаóс) или придает слову стилистическую окраску (молодéц – мóлодец).

В РЯ служебные слова и частицы тоже не имеют ударения (обычно) и примыкают к самостоятельным словам: (под-горóй), (на-сторонé) – словесное ударение. Как и в АЯ, русское высказывание членится на определенные отрезки, но происходит это несколько иначе – в соответствии с тактовым ударением, которое принципиально отличается от английского ритмического. Например: *Брожу ли я | вдоль улиц шумных, | вхожу ль | во многолюдный храм, | сизу ль | меж юношей безумных, | я предаюсь | моим мечтам* (Пушкин).

Тактовое ударение, как видно из примера, выделяет более важное в смысловом отношении слово в пределах речевого такта.

Что же касается русского фразового ударения, то оно, подобно тактовому, выделяет в произношении наиболее важное в смысловом отношении слово, но в пределах целого высказывания (фразы). В приведенном выше примере фразовое ударение падает на слово *мечтам*.

Для правильного звучания слова важны, разумеется, не только составляющие его звуки, но и куда падает ударение. Что касается ударений, в АЯ можно выделить три особенности.

Во-первых, это наличие двойных ударений (чего нет в русском языке).

Во-вторых, это изменение ударения в слове в зависимости от того, какой частью речи оно является (в русском языке такое тоже бывает, но при этом меняется и форма слова, в то время как в английском в ряде случаев меняется только ударение, а форма слова остается неизменной).

В третьих, очень важной особенностью английского языка является четкое произношение именно ударных гласных, в то время как гласные в безударных слогах должны звучать неясно, не акцентироваться.

ДВОЙНЫЕ УДАРЕНИЯ

Все слова английского происхождения очень короткие – в основном односложные (не считая возможных приставок и окончаний). Разумеется, в таких словах ударение ставится единственно возможным способом. Когда же

слово составляется из двух других, то часто оба слова сохраняют ударение, одно из которых – основное, более сильное, а второе – несколько слабее. Основное ударение, повторимся, обозначается верхним штрихом, а второе – нижним. Например: understand (,ʌndə'stænd), overeat (,ouvə'i:t) и т.п.

Кроме того есть сильная тенденция «разбивать» и длинные слова иностранного происхождения на более привычные короткие части, с выделением их добавочными ударениями. Например: intoxication (in,tɒksɪ'keɪʃn) - иностранное слово (это слово пришло из греческого и в русский) разбивается таким образом на более соответствующие фонетическому строю английского языка части.

Двойные ударения весьма важны и надо не забывать про них в собственной речи, иначе в некоторых случаях вас могут просто не понять – слова будут звучать непривычно для слуха тех, для кого английский язык является родным.

ИЗМЕНЕНИЕ УДАРЕНИЯ

В ряде слов латинского происхождения ударение может менять в зависимости от того, как используется это слово – как существительное или глагол. Если как существительное – ударение падает на первый слог, а если глагол – на второй. Приведем пару примеров (обратите внимание на двойной ударение в одном из слов):

permit ('pɜ:mit) разрешение - permit (pə 'mit) разрешать
insult ('ɪn,sʌlt) оскорбление - in'sult (ɪn'sʌlt) оскорблять

Таких слов немного и их надо будет запомнить (причем, в некоторых случаях допускается два варианта ударения – например, в слове permit можно делать ударение и на втором слоге, даже когда оно используется как существительное).

БЕЗУДАРНЫЕ СЛОГИ

В АЯ фактически два безударных гласных – (ɪ) и (ə). Даже если в словаре любая другая гласная специально не помечается ударением, все

равно некоторое ударение на ней делается, чтобы ее можно было различить. Причем, в тех словах, в которых в словарях вы найдете безударное (ɪ), оно часто может в разговорной речи заменяться на (ə). В качестве примера возьмем слово bandit ('bændɪt). Более «уличное», разговорное произношение этого слова будет ('bændət). Еще раз напомним, что очень важно, чтобы гласные в безударных слогах не акцентировались, звучали неясно. Если вы произнесете в таком безударном слоге что-то среднее между (ɪ) и (ə) – это будет тоже будет вполне правильно. Часто безударный гласный может почти исчезать. Иногда в словарях такие случаи обозначаются с помощью уменьшения фонетического знака (ə) - cattle (kætəl). Это означает, что безударный гласный практически «выпадает» и это слово нужно произносить почти как (kætl). Всегда главное, чтобы отчетливо звучали ударные гласные.

ПРАВИЛА ПОСТАНОВКИ УДАРЕНИЙ

В качестве некоторой компенсации за сложное написание некоторых слов в АЯ сложилась гораздо более простая, чем в русском, система ударений. Множество слов вообще односложные, а в словах двухсложных ударение как правило падает на первый слог (есть, конечно, и исключения, которые нужно просто запоминать). Это правило не относится к приставкам (префиксам), на которые ударение чаще всего не падает (и тут есть некоторые исключения).

Есть также правило для длинных слов, которое заключается в том, что ударение падает на третий от конца слог, но мы не очень советуем им пользоваться. Дело в том, что в многосложных словах очень часто больше одного ударения, и лучше такие слова (поначалу их будет очень немного – все основные английские слова короткие) запоминать индивидуально.

РИТМ РЕЧИ

Если брать предложение в целом, то между ударными слогами обычно бывают приблизительно равные промежутки времени, что придает английской речи характерную ритмичность (в отличие от «напевной»

русской речи). Возьмите какой-нибудь учебный текст на английском языке, к которому есть звуковой файл. Внимательно послушайте диктора, следя за ритмом его речи, а затем прочтите этот же текст, стараясь ему по памяти подражать, делая ударения в тех же местах. В любом случае, если вы хотите, чтобы ваш английский был ясен и понятен собеседнику, необходимо будет поработать над тем, чтобы ваша речь звучала ритмически правильно (особенно важно произносить безударные гласные неакцентированно, неясно).

Таким образом, существуют принципиальные отличия в системах ударений родного и иностранного языков англоязычных студентов из Африки. Чаще всего студенты основных факультетов не соблюдают правила постановки ударений в русских словах и используют вместо отрывистого русского тактового и фразового ритма, английский ударный ритм. Иначе говоря, практически любой англоязычный учащийся, изучающий РЯ как иностранный, почти всегда говорит с интонационным акцентом.

2.2. Морфологическая и синтаксическая интерференция

На сегодняшний день выявление основных тенденций в эволюции грамматической системы РЯ представляет немалую трудность. Литературный язык отличается нечастым употреблением некодифицированных грамматических особенностей, так как он ориентируется на литературную норму. Напротив, разговорная речь изобилует подобными особенностями. Наибольшее количество изменений наблюдается в речи студентов на начальном и продвинутом этапах обучения РЯ. Иначе говоря, как и на фонологию языка, так и на его морфосинтаксис оказывает значительное влияние уровень образования, подготовленности студента.

Рассмотрим морфологические и синтаксические особенности РЯ англоязычных студентов основных факультетов.

2.2.1. Существительное

В АЯ отсутствует грамматическая категория рода. Ряд одушевлённых существительных могут относиться как к мужскому, так и к женскому роду:

Teacher – учитель, учительница

Neighbor – сосед, соседка

Waiter – официант, официантка

Cousin – двоюродный брат, двоюродная сестра и т.д.

Почти все неодушевлённые существительные, а также большинство одушевлённых существительных, не обозначающих лиц мужского или женского пола, относятся к среднему роду и заменяются местоимением “it”.

Иногда женский род можно определить по нескольким суффиксам:

-ine: *heroine* (героиня)

-ette: *usherette* (билетёрша)

-ess: *hostess* (хозяйка)

Некоторые неодушевлённые существительные традиционно ассоциируются с определённым родом. Такое явление чаще всего встречается в художественной литературе и поэзии.

Мужской род: *Sun, fear, love, war, death.*

Женский род: *Earth, Moon, ship, boat, car, justice, peace, modesty.*

Названия стран относятся к женскому роду. Например:

I grew up in Nigeria. She will always remain in my memory. – Я вырос в Нигерии. Она будет всегда у меня в памяти.

Существительные АЯ обладают множественными синтаксическими функциями, наиболее главной выступает функция подлежащего и дополнения.

Приведенный выше краткий анализ существительного АЯ показывает, что имя существительное представляет собой серьёзную проблему в изучении РЯ. Определяя круг интересующих нас вопросов, необходимо в первую очередь отметить падежи и категории рода имени существительного. Им в большей степени и будет посвящена следующая часть нашего исследования.

К морфологическим признакам имён существительных РЯ относят их изменяемость по падежам, а также наличие грамматических категорий рода, числа, одушевлённости и неодушевлённости. Таким образом, значение предметности имён существительных выражается в их принадлежности к одному из трёх родов: мужскому (*стон, конь*), женскому (*игра, песня*) или среднему (*дело, поле*), в обладании формы единственного числа (*стул, мысль, параметр*) или формы множественного числа (*поля, столбы, сомнения*), а также в наличии определённого падежа (*открылась дверь* – им. п., *стол у двери* – род. п., *хлопнул дверью* – тв. п. и т.д.). Кроме того, как было сказано выше, существительное может обозначать одушевлённые (*мальчик, крот*) и неодушевлённые (*берёза, дом*) предметы.

Синтаксические функции имён существительных в РЯ различны: они могут употребляться в роли любого члена предложения. Однако наиболее характерной, как и в АЯ, является функция подлежащего и дополнения.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются англоязычных студенты основных факультетов – проблема рода имён существительных. Род существительного в АЯ, также как и РЯ, – это лингвистический феномен, с трудом поддающийся систематизации, хотя и представленный простой оппозицией «*мужской / женский / средний*» для РЯ. В большинстве случаев существительные женского рода в РЯ образуются путём вариаций формы мужского рода. Данная категоризация определяет в общих чертах понятие рода. В АЯ подобные вариации существуют, но они понимаются и

реализуются несколько иначе. Несколько слов об этом было сказано выше в данном параграфе.

Существует также семантическая категоризация, состоящая в двойной оппозиции «одушевленный / неодушевленный объект», «мужской / женский род / общий род» для РЯ и «мужской / женский / средний» для АЯ. По мнению некоторых исследователей, представленная родовая оппозиция не вполне логична и мотивирована, даже с учётом того, что среди одушевлённых существуют отношения противопоставления пола и рода. В одной категории, вопреки морфологическим признакам, некоторые слова женского рода относятся к представителям мужского пола. Например, в АЯ: *peace* – «мир», относится к мужчине и т.д. Другие слова, входя в категорию мужского рода, могут обозначать особь женского пола: *doctor* – «доктор», *professor* – «профессор» применяются как к мужчинам, так и к женщинам. В других случаях женский род соотносится с семантическим аспектом указания пола: *sir / madam* – «господин / госпожа», *female / male* – «женщина / мужчина» и т.д.

Что же касается РЯ, то здесь тоже не мало примеров, когда существительные в зависимости от пола могут относиться то к мужскому роду, то к женскому: *Этот мастер – талантливый самоучка* и *Эта ткачиха – талантливая самоучка*.

Современные исследователи РЯ в дополнение к трем названным родам стали выделять так называемый общий род, к которому «относятся существительные со значением лица на –а (–я): *брюзга, задира, егоза, невежа, недотрога, скряга, растрена* и др. (Розенталь, Фомина, 2001: 163).

Такие разные оппозиции в родном и иностранном языках естественно приводят к многочисленным ошибкам в обозначении родовой принадлежности имён существительных. В речи первокурсников, а также и студентов продвинутого этапа обучения РЯ это выражается в изменении/неизменении окончаний падежных форм.

Что касается понятия множественности, то категория числа в АЯ представляет собой оппозицию, основанную на семантическом противопоставлении единичности и множественности. Единственное число обозначает один предмет или совокупность предметов, а множественное – несколько предметов или несколько совокупностей. Множественное число имён существительных в АЯ образуется синтетическим путём прибавления к форме единственного числа окончаний *-s*, *-ies*, а также аналитически с помощью различающихся форм артиклей *a*, *an*, *this*, *these*, *that*, *those* и согласования с глаголами.

В РЯ множественное число имён существительных маркируется окончаниями (*город – города*, *озеро – озера*) и такими согласователями как: прилагательное (*большой стол – большие столы*), причастие (*смотрящий мальчик – смотрящие мальчики*), местоимение (*эта мама – эти мамы*) и порядковое числительное (*пятый дом – пятые дома*).

Категория числа двух языков всегда сопряжены с категорией рода. Англоговорящий студент находится в ситуации тройной оппозиции АЯ («единственное число – множественное число», «*мужской - женский – средний род*») и оппозиции секстета РЯ («*мужской – женский род*», «*мужской – средний род*», «*женский – средний род*», «*мужской род – множественное число*», «*женский род – множественное число*», «*средний род – множественное число*»). Каждый раз он должен выбирать род, число и падеж. Этот выбор в некоторых случаях затруднителен, так как нужно переходить к различным оппозиции и производить изменениями в начале и в конце русских слов.

Изменение в начале слова подразумевает замену показателей множественности АЯ на русские показатели: *Я покупаю ручки – I am buying pens.* или *Дайте мне пожалуйста, эти ручки – Give me these pens, please.*

Можно заметить, что в первой фразе англоязычный студент переводит английское слово среднего рода *pens* русским женского рода *ручки*. Таким

образом, получается, что одному показателю АЯ (окончанию множественного числа *-s*) соответствует один показатель РЯ (окончание множественного числа *-и*). Кроме того, наблюдается оппозиция родовой принадлежности «*средний – женский род*».

Во втором случае множественное число того же русского слова «ручки» дополнительно определяется указательным местоимением «эти». В АЯ эти показатели передаются с помощью окончания множественного числа *-s* и местоименным (указательным) прилагательным *these*.

Приведенные фразы показывают, насколько сложен процесс перевода языковой единицы из одной системы в другую. Он всегда сопряжен с трудностями, которые зависят от морфосинтаксических особенностей двух языков. Собственно, этим и объясняется то, что студенты основных факультетов совершают многочисленные ошибки при конструировании русских предложений.

2.2.2. Прилагательное

При формировании «студенческого» варианта РЯ возникает ряд трудностей, связанных с реализацией прилагательного как части речи, обозначающей признак предмета. К наиболее распространённым затруднениям относятся согласование прилагательного с существительным в роде, числе и падеже.

В АЯ морфологическим признаком имён прилагательных служит их неизменяемость по родам. В РЯ наблюдается изменяемость прилагательных по падежам и числам.

Английские и русские прилагательные не являются самостоятельным средством выражения лексических и грамматических значений, так как они полностью зависят морфологических показателей тех существительных, с которыми они согласованы.

Окончания имён прилагательных в РЯ указывают на синтаксическую связь прилагательных с именами существительными, т.е. выполняют функции грамматических форм согласования. В АЯ подобных форм нет. В предложении английские и русские прилагательные чаще всего бывают определением или именной частью сказуемого, например: *His face was dark* и *Отец работает в небольшой комнате за письменным столом.*

Наличие общих морфосинтаксических характеристик английских и русских прилагательных говорит о том, что в речи студентов основных факультетов не должно возникать особых проблем. Но, как свидетельствует практика, трудности есть.

Так, для учащихся проблемными являются некоторые случаи согласования прилагательного:

1) случай, когда существительное стоит во множественном числе, а прилагательное при нем ошибочно в единственном: *строгий преподаватели - strict lecturers* вместо *строгие преподаватели*;

2) неверное согласование прилагательного, применяемого для обозначения лиц женского пола, с существительным мужского рода, и, наоборот: *злой преподавательница - wicked lecturer* вместо *злая преподавательница*; *известный актриса - famous actress* вместо *известная актриса*;

3) отсутствие согласования прилагательных, обозначающих цвет: *синий машина - blue car* вместо *синяя машина*;

4) неверное согласование прилагательного с существительным, обозначающим профессию: *талантливый актриса - talented actress* вместо *талантливая актриса*.

Подобных примеров ошибочного согласования прилагательного много. Это объясняется периферийным функционированием таких морфосинтаксических маркеров, как род и число. Умения управляться с

ними позволяет во многом судить о степени владения языком тем или иным студентом.

2.2.3. Глагол

Глагол – это разряд слов, обозначающих действие или состояние предмета как процесс. Слово «процесс» в данном употреблении имеет широкое значение. Под ним понимает трудовая деятельность, движение, деятельность органов чувств, мышление, физическое и душевное состояние, изменение состояние (*строить, ходить, слышать, penser, dormir, s'ennuyer* и т.п.).

Морфологические особенности английского и русского глаголов тесно связаны с семантикой и выражаются в формах лица и числа, наклонения и времени, вида и залога. Присущие глаголу грамматические категории показывают характер протекания действия во времени, отношение действия к его субъекту и объекту, соотношение с моментом речи, показывают действие или состояние как процесс реальный, предполагаемый, желаемый, т.е. в его соотношении с действительностью.

Основная синтаксическая отводимая во АЯ и РЯ роль глагола – выражение сказуемого (предиката).

Реализация глаголов в речи англоязычных студентов на РЯ происходит несколько иначе, чем в литературном варианте. Чтобы понять наиболее распространенными особенности, рассмотрим главные характеристики глагольной системы РЯ.

Традиционно русские глаголы различают по типу спряжения в зависимости от личных окончаний. Ко второму спряжению относятся все глаголы с суффиксом -и-, включая 11 глаголов на -ать, -еть, а также глаголы на -ать, -еть, -ять с ударными личными окончаниями: спать – спи́шь – спи́т – спи́ят. Остальные глаголы, кроме разноспрягаемых глаголов *бежать,*

хотеть, исторически сложившихся форм глаголов *есть*, *дать*, относятся к первому спряжению, включая исключения из второго спряжения *брить*, *стелить*, а также глаголов *бить*, *пить*, *вить*, *лить*, *шить* (Шанский, Тихонов, 1981: 165).

Эта классификация используется для обучения изучающих русский язык как иностранный, в том числе и в НИУ «БелГУ». Ее основным преимуществом является помощь в правильном выборе личных окончаний глаголов, а недостатком – отсутствие объяснений законов чередования гласных и согласных: *жечь – жгу*, *брать – беру*, *петь – пою*, *видеть – вижу*, а также представлений о разных формулах, по которым спрягаются глаголы: *чита/ть – чита+ю*, *но говор/ить – говор+ю*, *да/вать – да+ю*, и др.

Таким образом, англоязычный студент из Африки заучивает необозримый список парадигм спряжения глаголов с разными особенностями. В силу сложности данного грамматического материала, студента, изучающего русский язык, необходимо научиться не только правильно определять тип спряжения, но и вычленять глаголы по формальным признакам, применять фонетические законы словоизменения и соотносить глагол с соответствующей формулой спряжения.

Классификация спряжения глаголов по принципу продуктивности-непродуктивности образования глагольных форм позволяет устранить большую часть этих недостатков и увидеть закономерности в спряжении русских глаголов. Н.Н. Белякова, В.Г. Будаев предлагают разные модели спряжения в зависимости от суффикса и показателя инфинитива; некоторые упражнения на усвоение данного материала; списки глаголов, спрягаемых по данным моделям, однако в учебных пособиях имеется расхождение в количестве моделей и содержании. Так, некоторые модели разбиты на маленькие подгруппы, а большие дополнительно укрупнены, например, во II-ом спряжении глаголы, корень которых оканчивается на губные и зубные

согласные, объединены в одну группу, хотя они имеют разные типы чередований (Белякова, 2006; Будай, 2012).

В ходе анализа данных моделей и списков глаголов, представленных в разных пособиях, с целью демонстрации всех особенностей спряжения русских глаголов в системе, мы представляем следующую сводную таблицу (см. рис. 2.1.).

Запомнить (дать/есть, быть/ехать/идти, бежать, хотеть, +М, +Н, +В)	I спряжение						II спряжение					
	-чь*	-ти -сть/ зть	-ть						-ить			
			-ать, -ять, -еть, -уть, -оть, -ыть									
	Ф 3	Ф 1а	Ф 1	Ф 2		Ф 2а		Ф 2	Ф 2а			
Г→Ж/Ж/Ж/Ж→Г К→Ч/Ч/Ч/Ч→К	*: С→С, З→З, ** :Й→ЙД, С→Д, С→Т,	Стандарт I	-авать	-нуть*	Исключения I	-овать	→Ж, Ш, Ч, Щ, +Л +е, -е*, +о, +ь	Стандарт II	б, п, в, ф, м	д, т, з, с, ст	Исключения II	
			-у/-ю	-ем/-ём				-ю/-у	-им			
			-ешь/-ёшь	-ете/-ёте				-ишь	-ите			
			-ет/-ёт	-ут/-ют				-ит	-ят/-ат			

Рис. 2.1. Обзорная таблица особенностей спряжения русских глаголов

В данной таблице представлены все особенности спряжения русских глаголов в настоящем-будущем и прошедшем времени, которые можно и нельзя определить визуально. К ним относятся показатели инфинитива, формальные признаки первого и второго спряжений, формулы (Ф), по которым спрягаются глаголы, фонетические и некоторые исторические особенности, влияющие на выбор формулы спряжения, а также личные окончания глаголов в настоящем времени. Названия групп отражают

особенности спряжения глаголов и позволяют студенту быстро ориентироваться в изучаемом материале. Звездочкой отмечены глаголы, которые имеют особенности образования форм прошедшего времени, знак «→» указывает на чередование согласных, а знаки «+» и «-» – на чередование соответствующих гласных.

Следует отметить, что уже на начальном этапе обучения русскому языку студенты необходимо визуально определять следующие группы глаголов в настоящем-будущем времени: глаголы на -чь: *мочь, печь*; -ти (-сть, -зть): *идти, сесть, лезть*; стандарт I-го спряжения: *думать, мечтать*; глаголы с суффиксом -ва- (-авать): *давать, вставать, узнавать*; глаголы с суффиксом -ова- (-овать): *рисовать, анализировать*; глаголы на -ну- (-нуть): *отдохнуть, замёрзнуть*.

Предложенная таблица легко позволяет определить стандарт II-го спряжения: *строить, говорить*; глаголы II-го спряжения, корень которых оканчивается на б, п, в, ф, м: *любить, купить, поздравить, разграфить, знакомить* или д, т, з, с, ст: *ходить, встретить, возить, просить, простить*.

Особенности спряжения следующих глаголов нельзя определить визуально, так как это сопряжено с различными процессами развития русского языка, поэтому у большего числа студентов это вызывает серьезные проблемы:

1. глаголы II-го спряжения:
  - а. 11 глаголов-исключений из I-го спряжения;
  - б. глаголы на -ать, -еть, -ять, у которых ударение падает на личные окончания: *спать, сидеть, лежать, стоять, молчать, дышать, держать, болеть и др.*;
2. глаголы I-го спряжения:
  - а. исключения из II-го спряжения: *брить, стелить, ошибиться*;
  - б. визуально сходные с глаголами II-го спряжения: *бить, пить, вить, лить, шить, жить*;

с. спрягаемые по другой формуле, но визуально сходные со стандартными глаголами на -ать, -ять, -еть, -оть с ударными и безударными личными окончаниями: *ждать – ждёшь – ждут, врать, рвать, ткать, смеяться, надеяться*, а также *лаять – лаешь – лают, сеять, веять, таять, полоть, бороться, пороть, колоть и др.*;

3. глаголы I-го спряжения, которые невозможно определить по формальным признакам:

а. глаголы с чередованием гласного: *брать – берёшь – берут, тереть – трёшь – трут, пить – поёшь – поют*;

б. глаголы с чередованием согласных: *писать – пишешь, пишут, искать – ищешь – ищут, ср. запасать – запасая, выпускать – выпускаю и др.*;

4. глаголы, которые вычлняются по формальным признакам, но причины приращения и чередования согласных можно объяснить через призму исторической грамматики:

а. приращение согласных в группе -чь: *печь – пеку, но мочь – могу*;

б. чередование согласных некоторых глаголов в группе -ти: *вести – веду*;

5. единичные глаголы на разные правила.

К глаголам группы «Стандарт» относится примерно 48 % (I-е спряжение) и 14 % (II-е спряжение) от суммы всех глаголов или 65,8 % и 54,2 % от каждого типа спряжения соответственно (2). Стандартные глаголы спрягаются по формуле I и II согласно типу спряжения без дополнительных фонетических и исторических особенностей. К группе глаголов «Исключения II» следует отнести 11 глаголов-исключений (1a) и наиболее часто используемые глаголы, которые относятся ко II-му спряжению глаголов с ударными личными окончаниями (2b), так как англоговорящий студент не может его определить самостоятельно.

В первом спряжении все глаголы, которые нельзя определить по формальным признакам, также можно отнести к исключениям, но их можно разбить на разные типы исключений, так как, во-первых, эти особенности характерны для разных частей речи, и являются сквозной темой в изучении русского языка, во-вторых, они делают списки для запоминания обозримыми и структурированными. Глаголы под пунктами 2а и 2с следует отнести к группе «Исключения I», так как их невозможно сгруппировать по какому-либо дополнительному признаку. В группу «+е, -е, +о, +ь» можно объединить глаголы под пунктами 2б (кроме *жить*) и 3а, в которых наблюдается беглый гласный или появление мягкого знака, а глаголы с чередованием согласных под пунктом 3б можно назвать «→ж, ш, ч, щ; +л».

Следует более подробно рассмотреть фонетические особенности, которые проявляются при спряжении глаголов, так как это представляет для студентов особые проблемы. Трудным оказывается понять Чередование гласных при спряжении глаголов.

У семи глаголов без приставок появляется чередование разных гласных с |о|: *петь – пою – поёшь – поют, крыть, мыть, нить, выть, рыть, а также звать – зову – зовёшь – зовут*. Мало кто из студентов обращает внимание на выпадение |о| у таких глаголов в настоящем времени. Студенты в основном заучивают отдельные формы спряжения, но не инфинитив, поэтому в речи можно услышать: *поеть, кроеть, моешь, зовешь и т.д.*

Чередование «нуль – |е|» наблюдается у пяти глаголов: *брать – беру, драть – деру, брить – брею, стлать – стелю*, беглый гласный выпадает у глаголов с корнями тер-, мер-, пер-: *тереть – тру, умереть – умру, запретить – запрю*, а также у глаголов *жечь – жгу, прочесть – прочту*. Студенты часто делают ошибки типа: *берать, бру, теру, умеру и т.д.*

Другие чередования: «|е| – |я|» (*сесть – сяду, лечь – лягу*); «|о| – |е|» (*молоть – мелю*). Так, вместо *лягу* можно услышать *лечу*.

У глагола идти с приставками происходит чередование «|й| – |йд|»: *найти – найду, кроме прийти – приду*. Учащиеся используют *наидуть, найтить*.

Мягкий знак появляется только у пяти глаголов «|и| – |j|»: *пить – пью, бить – бью, шить – шью, лить – лью, вить – вью*. Студенты говорят *пию, бию, лию*.

При спряжении глаголов с показателем инфинитива -ть и -чь 13 согласных и два сочетания согласных стремятся к чередованию с |ж|, |ш|, |ч| или |щ|. В I-м спряжении наблюдаются чередования «|г| – |ж|», «|з| – |ж|», «|х| – |ш|», «|с| – |ш|», «|т| – |ч|», «|к| – |ч|», «|ск| – |щ|», «|ст| – |щ|» и «|т| – |щ|», а во II-м спряжении «|д| – |ж|», «|з| – |ж|», «|с| – |ш|», «|т| – |ч|», «|к| – |ч|», «|ст| – |щ|» и «|т| – |щ|». У некоторых глаголов II-го спряжения чередование «|т| – |щ|» можно объяснить только историческим развитием языка, поэтому студенту их трудно запомнить: *возвратить – возвращу → возвратю*. Аналогично можно слышать неправильные формы для глаголов *посетить, защитить, прекратить* и др.

Стоит отметить, что во II-м спряжении чередование наблюдается только в I лице единственного числа *любить – люблю – любишь – любят*, а в I-ом спряжении во всех лицах и числах *писать – пишу – пишешь – пишут*. У глаголов, корень которых заканчивается на парные губные согласные *б, п, в, ф* или *м* добавляется -л-: *любить – люблю, купить – куплю, готовить – готовлю, знакомить – знакомлю, дремать – дремлю* и др. Удивительно, но студенты заучивают появление буквы *л* и потом неправильно называют и используют инфинитивы глаголов: *любить, купить, готовить* и т.д.

Чередование согласных для глаголов II-го спряжения является правилом, которому подчиняются абсолютно все глаголы, в том числе глаголы-исключения из I-го спряжения: *видеть – вижу, терпеть – терплю* и глаголы, которые относятся ко II-му спряжению по ударению на личные окончания: *сидеть – сижу, спать – сплю*. Чередование согласных для

глаголов I-го спряжения является скорее исключением, списки таких глаголов малы и наиболее частотные предлагается выучить: *писать, слать, резать*, глаголы с корнем *каз-* (*сказать, доказать и др.*), *обязать, искать, плакать, прятать, колебаться, дремать*. Чаще всего учащиеся не делают чередование и создают такие варианты: *видю, терню, сидю, спаяю и т.д.*

Для глаголов с показателем основы *-чь* характерно чередование «|ч| – |г|» и «|ч| – |к|». Данное явление также можно объяснить только с точки зрения истории развития языка. Дальнейшее чередование согласных соответствует правилу, но в 1 лице единственного числа и в 3 лице множественного числа чередования нет: *печь – пеку – печёшь – пекут, мочь – могу – можешь – могут*. Этому правилу подчиняются также глаголы *бежать – бегу – бежишь – бегут* и *лгать – лгу – лжёшь – лгут*. У глагола *лечь* наблюдается дополнительно чередование гласного «|е| – |я|»: *лечь – лягу – ляжешь – лягут*. Студенты делают следующие ошибки: *печу, бежу, лжу и т.д.*

Глаголы, оканчивающиеся на *-ти*, и 8 глаголов на *-сть* и *-зть* имеют следующие варианты чередования, отличные от описанных выше:

1. отсутствует чередование: *нести, везти, идти, ползти, спасти, грызть, лезть, пасти, трясти*;
2. наблюдаются чередования согласных:
  - а. «|с| – |д|»: *вести – веду, упасть, красть, класть, брести, сесть*;
  - б. «|с| – |т|»: *цвести – цвету, мести, плести, обрести, изобрести, прочесть*. Важно не путать глаголы *обрести – обрету* и *брести – бреду*.
  - с. «|с| – |б|»: *грести – гребу, скрести*,
  - д. «|с| – |н|»: *клясться – клянусь*,
  - е. «|с| – |ст|»: *расти – расту*.
3. «|й| – |йд|»: *найти – найду, зайти – зайду, но прийти – приду*;

4. у одного глагола наблюдается дополнительное чередование гласных «|е| – |я|»: *сесть – сяду* и у одного выпадение гласного |е|: *прочесть – прочту*.

В представленных выше глаголах ввиду отсутствия чередования, обучающиеся меньше делают ошибок при их спряжении.

В группу «Запомнить» входят единичные глаголы, спряжение которых по формальным признакам сложно отнести к любой из других групп, но внутри данной группы их можно сгруппировать по сходным признакам.

1. Исторические сложившиеся формы:

а. дать: *дам – дашь – даст – дадим – дадите – дадут* и есть: *ем – ешь – ест – едим – едите – едят*;

б. идти: *иду – идёшь – идут, ехать – еду – едешь – едут, быть – буду – будешь – будут*;

2. разноспрягаемые глаголы: *бежать – бегу – бежишь – бегут* и *хотеть – хочу – хочешь – хотят*;

3. глаголы с приращением согласных:

а. +н (*надеть – надену, остыть, мять, распять, застрять, начать, стать, жать-жну*);

б. +в (*жить – живу, плыть, слыть*);

с. +м (*взять – возьму, снять, жать – жму*).

Студенты мало обращают внимание на образование личных форм и ударение при спряжении глаголов во множественном числе *ехать, есть* и *идти*, а также на различие в ударении и произношении глаголов *идти* и *ехать*: *иду́* и *еду́*.

Опираясь на знание и понимание фонетических закономерностей и формальных признаков, все глаголы можно сгруппировать и отнести к пяти формулам, которые трудно запомнить иностранцам, изучающим русский язык, при образовании настоящего-будущего времени. В первом спряжении представлены все пять вариантов формул, что и является наибольшей трудностью в освоении данного грамматического материала, а во втором

спряжении только две. Единичные глаголы спрягаются по разным формулам. Для большинства глаголов I-го спряжения характерна следующая формула (Ф1): отсечение показателя инфинитива -ть и приращение личных окончаний глагола: чита|ть = чита+ю, чита+ешь, чита+ем, чита+ете, чита+ют.

По сходной формуле (Ф 1а), которая отличается от предыдущей появлением чередования согласных, спрягаются все глаголы, оканчивающиеся на -ти (-зть и -сть): отсечение показателя инфинитива -ти или -ть, чередование согласных и приращение личных окончаний глагола, например: вед|ти = вед+у, вед+ёшь, вед+ёт, вед+ём, вед+ёте, вед+ут.

По следующей формуле (Ф 2) спрягаются глаголы I-го спряжения с суффиксами -ва-, -ну- и ряда глаголов, определить которые по формальным признакам нельзя (ждать, смеяться, надеяться), а также глаголов 2-го спряжения, кроме тех, которые спрягаются по формуле 2а, а именно: отсечение показателя инфинитива, отсечение суффикса (части суффикса – н|у-), приращение личных окончаний, например: да|вать: да+ю, да+ёшь, да+ёт, да+ём, да+ёте, да+ют; отдохн|уть: отдохн+у, отдохн+ёшь, отдохн+ёт, отдохн+ём, отдохн+ёте, отдохн+ут; жд|ать: жд+у, жд+ёшь, жд+ёт, жд+ём, жд+ёте, жд+ут; говор|ить: говор+ю, говор+ишь, говор+ит, говор+им, говор+ите, говор+ят.

Очень часто в речи студентов можно услышать вариант *даваю* вместо *даю*, *жду* вместо *жду*.

Глаголы II-го спряжения, корень которых оканчивается на б, п, в, ф, м и д, т, з, с ст, а также некоторые глаголы I-го спряжения, которые невозможно определить по формальным признакам спрягаются по формуле 2а: отсечение показателя инфинитива -ть, отсечение суффикса, чередование гласных -е-, -о- и -ь- или согласных б, п, в, ф, м и д, т, з, с, ст, затем приращение личных окончаний глагола. К этой формуле можно отнести спряжение глаголов с суффиксом -ова-, у которых наблюдается чередование суффиксов: «|-ова-| и |-уј-|»: люб|ить: любл+ю, люб+ишь, люб+ит, люб+им,

люб+ите, люб+ят; ход|ить: хож+у, ход+ишь, ход+ит, ход+им, ход+ите, ход+ят; бр|ать: бер+у, бер+еешь, бер+ет, бер+ем, бер+ете, бер+ут; пис|ать: пиш+у, пиш+еешь, пиш+ет, пиш+ем, пиш+ете, пиш+ут; рис|овать: рису+ю, рису+еешь, рису+ет, рису+ем, рису+ете, рису+ют.

Стоит отметить глаголы на -ова-, которые имеют мягкий вариант -ева- после ж, ш, ч, щ и ц: *танцевать, ночевать, бушевать и др.* В остальных случаях -ева- является показателем стандартных глаголов I-го спряжения: *затвердевать, заболевать и др.* К исключениям можно отнести глаголы горевать, воевать, после комбинаций кл-, пл-, бл-: *клевать, плевать*, у которых по фонетическим законам (после гласных и -л-) появляется суффикс -юj-: *воюю, клюю и т.д.*

Глаголы с суффиксами -ова-, -ева- изобилуют ошибками. Так, можно услышать, как студенты говорят: *рисоваю, танцеваю и т.д.*

Все глаголы на -чь спрягаются по формуле Ф 3: отсечение конечного согласного основы -чь, замена его на г или к с последующим чередованием и приращением личных окончаний:

- a. мо|чь: мо+г+у, мо+ж+еешь, мо+ж+ет, мо+ж+ем, мо+ж+ете, мо+г+ут;
- b. пе|чь: пе+к+у, пе+ч+еешь, пе+ч+ет, пе+ч+ём, пе+ч+ёте, пе+к+ут.

Все глаголы образуют формы прошедшего времени по следующей формуле (Ф 1): отсечение показателя инфинитива, приращение суффикса -л- и наращение личных окончаний согласно роду и числу: дума|ть: дума+л, дума+л+а, дума+л+о, дума+л+и. Данные глаголы не вызывают трудностей у африканских студентов.

По другой формуле (Ф 2) – без суффикса -л- в форме мужского рода спрягается глагол ошиб|иться – ошибся - ошиблась, глаголы с корнем пер- (запер|еть – запер – заперла), мер- (замер|еть – замер – замерла), тер- (затер|еть – затер – затерла), глаголы на -нуть в значении достижения результата (замёрз|нуть – замёрз – замёрзла), а также глаголы на -чь, образующие формы прошедшего времени по от основы настоящего-

будущего времени: мочь (могу) – мог – могла – могли, печь (пеку) – пёк – пекла - пекли.

В данном случае студенты практически всегда путают форму мужского рода: *ошибился, замерзнул*.

Наши наблюдения за русскими глаголами позволяют говорить также и о таких проблемах у англоговорящих студентов основных факультетов:

1) Неправильное использование глаголов движения:

- Однократное движение: *Я иду в университет. - I'm going to the university*. У студентов разных курсов мы слышим такие варианты:

Я пойду в университет.

Я иду к университет.

Я пошла в университет.

- Многократное движение: у студентов нами были замечены такие ошибки: вместо *Я хожу в университет каждый день. - I go to the university everyday*

Каждый день, я иду в университет.

Каждый день, я пойду в университет.

Я пойду к университет каждый день.

вместо *Я пошёл в университет. - I went to the university*.

Мне была в университет.

Я пошла к университет.

Я была в университете.

Также бывает что англоязычные студенты неправильно употребляют глаголы движения таким образом: *Я пойду в Москву завтра - I'm going to Moscow tomorrow*. вместо *Я поеду в Москву завтра*.

2) Проблема с выбором вида глагола: СВ и НСВ

Кроме проблем с падежами, другой очень актуальной проблемой для англоязычных студентов является проблема видов глаголов. Студенты часто путают глаголы НСВ с глаголами СВ:

Я часто получу много писем. вместо Я часто получаю много писем.

3) Употребление приставок с глаголами движения:

Явно что, отсутствуют какие приставки в АЯ и англоязычные студенты основных факультетов нелегко понимают их значения. Так часто слышишь, когда кто-то приходит в гости к кому-то: «**Приходи!**» вместо «**Заходи!**».

4) Неправильное использование временных форм: после союза *чтобы*: *Мне нужно купить билет, чтобы он поедет в Москву.* вместо *Мне нужно купить билет, чтобы он поехал в Москву.*

5) Неправильное спряжение некоторых глаголов по образцу спряжения других глаголов: *Вы рисоваете* вместо *Вы рисуете.* – «You're drawing» или *Я танцеваю* вместо *Я танцую* – «I'm dancing». Непривычность глагольных форм провоцирует создание в речи англоязычных студентов, изучающих РЯ, новых вербальных форм *рисоваете и танцеваю и тд.* Частично об этом мы уже говорили выше.

Появление данного феномена можно объяснить тем, что на первом курсе изучение глаголов начинается с первой группы, где образование типовых форм подчиняется общим закономерностям или же правилам (*читать – читаю, читаешь, читает, читаем, читаете и читают*). В связи с этим учащиеся подстраивают спряжение некоторых глаголов под известные правила.

Обозначенные выше ошибки и особенности являются типичными для англоязычных учащихся, изучающих РЯ на основных факультетах. Видно, что АЯ оказывает существенное влияние на процесс оформления русской речи студентов. Механизм структурных преобразований в большинстве случаев является следствием интерференционного влияние родного языка.

2.3. Лексико-семантическая интерференция

Как известно, процесс познания окружающей человека действительности осуществляется главным образом путем установления видовой специфики отдельных объектов и отнесения их к определенному классу, семье или роду. Именно лексика является основным инструментом отображения как конкретного мира, так и отношений между составляющими его структурными элементами.

Большим разнообразием на основных факультетах обучения англоговорящих африканцев отличается состояние и функционирование лексико-семантической системы РЯ, к которой относится вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразие типов их группировок, характер их взаимоотношений друг с другом и с элементами других подсистем языка, а также условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков.

Локальные преобразования собственно французской лексики в речи русскоязычных студентов можно свести к: семантическим изменениям посредством *сужения, расширения и смещения значения*.

2.3.1. Сужение значения

В связи с тем, что распространенным способом словообразования является изменение значения слова, в словах РЯ англоязычных учащихся, в частности, отмечаются случаи сужения значения. Так, слово *вечер* используется только в одном значении – «время после 18 часов до 23 часов»: *Вечер был изумительный*. Хотя в литературном варианте РЯ оно означает еще и «собрание; встреча».

Специфическим образом в РЯ функционирует слово *профессор*, обозначающее в речи студентов только лишь преподавателя: *Профессор*

вчера принимал долги в своем кабинете. На первый взгляд перевод этого предложения на АЯ не вызывает никаких проблем. Однако если вспомнить, что данное русское слово обладает еще и значение человека, работающего в должности профессора, появляется возможность другой интерпретации фразы, которая может выглядеть следующим образом: *Я встретился с профессором кафедры русского языка.*

Заметим, что второй вариант значения в речи обучающихся практически не наблюдается. Это связано с тем, что слово *профессор* сузило свое значение и стало использоваться в ситуации, когда говорится о простом преподавателе.

Еще одним примером сужения значения выступает русское слово *пропуск*, которое употребляется студентами для обозначения понятия *документ, дающий право входа, проезда*. В значении действия *не упоминать, давать пройти* учащиеся его не употребляют.

Как видно, подмена одного понятия другим является следствием интерференционного влияния со стороны АЯ, в котором слово *pass* служит для обозначения *документа, дающего право входа, проезда*.

Отметим также и другие слова, сузившие свое значение в «студенческом» варианте РЯ:

история – «события прошлого, их описание и изучение; рассказ; происшествие», у учащихся – только «события прошлого, их описание и изучение»;

ручка – «предмет письменной принадлежности в виде палочки, в которую вставляется перо или стержень; рукоятка», у учащихся – только «предмет письменной принадлежности в виде палочки, в которую вставляется перо или стержень» и т.д.

2.3.2. Расширение значения

В речи англоязычных студентов многие слова могут испытывать расширение значения. Кроме значения, свойственного литературному варианту, следующая лексика принимает новые значения, обычно передаваемые в РЯ другими словами. Подобные случаи имеют под собой, как правило, интерференционную базу.

Например, слово *батарея* переводящееся как «набор, серия, группа; (техн.) батарея» принимает значение *зарядного устройства для телефонов*. В РЯ в этом значении употребляется только слово *зарядное устройство* или *зарядка*. Учащиеся, используя свой родной язык, устанавливают ошибочные ассоциативные связи между русским и английскими словами ввиду незнания слова, которое используют русские люди. В результате слово *батарея* расширяет свое значение. Примером этому служит следующая фраза: Я купил батарею в магазине “Эльдорадо”.

Особым образом в РЯ студентов функционирует слово *ресторан*, обозначающее в речи студентов любой тип места, где можно перекусить, поесть и т.д.: *Давай, пойдем сегодня в обед в ресторан в университете*. Наделение слова *ресторан* другими значениями свойственно на всех ступенях обучения РЯ и не только для англоговорящих студентов.

Другим примером семантического расширения можно считать слово *маркер*, которое может использоваться в значении *фломастера*: *Она купила в магазине хорошие маркеры и будет рисовать на бумаге*.

В данном случае очевидно влияние родного языка и отождествление данного инструмента с другим, который отличается в своем использовании.

Отметим также и другие слова, расширившие свое значение в «студенческом» варианте РЯ:

сертификат – в речи студентов также в значении «справка из больницы»;

клиника – в речи студентов также в значении «любая больница»;

тапки – в речи студентов также в значении «шлепанцы» и т.д.

Возможность подобного смыслового расширения, т.е. поглощения словом значений других слов, обусловлена наличием в их семантической структуре признака, который составляет основу понятийного содержания исходного слова. Выдвижение на первый план именно этого признака, вызванное локальными особенностями употребления, позволяет говорящим заменять исходным словом-понятием другие смежные слова (Чередниченко, 1983: 124).

2.3.3. Смещение значения

Смещение значения – это одно из распространенных средств обогащения лексики «студенческого» РЯ основных факультетов. Посредством смещения значения слова РЯ приобретают новые значения.

Далеко не вся русская лексика понимается правильным способом, что приводит к тому, что за некоторыми словами закрепляются значения, отличающиеся особой спецификой. Например, глагол *жениться*, который используется вместо *выйти/выходить замуж*, если речь идет о девушке или женщине.

Отмечается, что глагол *жениться* в устной русской речи русскоязычных студентов часто используется в отношении женского пола: *Она жениться на этом молодом человеке.* вместо *Она выходит замуж за этого молодого человека.*

Литературные нормы РЯ запрещают подобное использование глагола и требуют сохранения за ним только общеязыкового значения «жениться» в отношении мужского пола. Высокая частота встречаемости данного явления говорит о том, что оно могло быть вызвано потребностями говорящих в

замене сложной комбинации слов *выйти/выходить замуж* на более простое одиночное слово.

Данный феномен также можно объяснить, тем что в АЯ применяется один глагол для обоих полов – мужского и женского.

Еще одним примером смещения значения выступает слова *познакомиться* на слово *знать*: *Я узнал ее мать*. вместо *Я познакомился с ее матерью*.

Подобное смещение значения используемой конструкции происходит весьма часто. Оно объясняется тем, что в АЯ не существует разницы в употреблении глагола *to know* в значении *узнать* и *познакомиться*. Подмена глаголов не рассматривается учащимися как нечто, ведущее к искажению передаваемой информации, наоборот оно им кажется правильным и логичным.

На сегодняшний день смещенное значение этого слова получило широкое распространение как среди начинающих, так и продолжающих свое обучение студентов основных факультетов.

В результате смещения значений в «студенческом» РЯ можно наблюдать, как много слов приобретает значение, отличное от их литературного варианта. Приведем несколько примеров:

карта → в речи студентов в значении «поздравительная открытка»;

тетрадь → в речи студентов в значении «блокнот, записная книжка»;

принтер → в речи студентов в значении «МФУ, копировальный аппарат»;

климат → в речи студентов в значении «кондиционер» и т.д.

Таким образом, получается, что возможность существующих смещений значений слов обуславливается наличием в их семантической структуре признака, ошибочно ассоциируемого с содержанием передаваемого русского слова. Выделение именно этого признака позволяет

говорящим на ФЯ заменять исходное значение другим, не имеющим с ним ничего общего.

Выводы по ГЛАВЕ II

Проведенное исследование продемонстрировало, что интерферирующее влияние АЯ затрагивает морфосинтаксический, лексический и фонетический уровни РЯ. Конечно, не представляется возможным исследовать все случаи интерференции, но рассмотренные грамматические особенности позволяют говорить о проблеме усвоения студентами РЯ и о формировании своеобразного «студенческого» варианта языка. В отличие от лексических особенностей, грамматические различия часто не только бывают связаны с лингвистической интерференцией, а являются результатом низкого уровня владения языком.

Интерферирующее влияние АЯ на РЯ во многом зависит от принадлежности говорящего к той или иной «курсовой» принадлежности. При передаче иноязычных звуков говорящие на РЯ студенты заменяют непривычные звуки более или менее близкими звуками родного языка. Существенным является тот факт, что многие англоговорящие учащиеся изначально познают РЯ в его университетской интерпретации.

Отметим, что последствия интерференции происходят, как правило, в системе речи и нарушают речевую норму РЯ, но они не отражаются в системе ЛРЯ как такового. На уровне студенческого общения наблюдаются определенные сдвиги и в самой системе языка, так как соответствующие преобразования становятся регулярными и в рамках этого «новообразования» не считаются неправильными. Таким образом, под влиянием интерференции (а во многом именно в связи с интерференцией) происходит становление особого «студенческого» варианта РЯ с его специфической структурой на уровне речи и языковой системы в целом.

Адекватная политика преподавания РЯ как иностранного в вузах России снижает разрыв с литературной нормой РЯ. В результате после окончания учреждений высшего профессионального образования учащиеся

могут достойно вступать в социальные, экономические, политические, культурные отношения с Россией и другими странами, в которых РЯ является используемым языком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе освещен сложный вопрос отношения интерференции и заимствования, выявлены общие черты и указаны различия. Полученные результаты позволяют утверждать, что на основных факультетах «студенческая» русофония представляет собой сложный феномен. Безусловным кажется, что при обучении РЯ необходимо считаться с языковыми контактами, возникающими между родным и русским языками.

Сравнительно-сопоставительный анализ современного РЯ России и его варианта в речи англоязычных студентов показывает, что все отклонения от общепринятого стандарта являются следствием переноса структурных особенностей АЯ в РЯ на всех уровнях, особенно в лексике и грамматике. В условиях русско-английского двуязычия потребность в номинации предметов и явлений удовлетворяется за счет одной из двух контактирующих лексических систем: при использовании английского материала имеет место прямая интерференция; если употребляется собственно русский материал, то в большинстве случаев проявляется косвенная интерференция.

Возникающие грамматические особенности следует рассматривать как результат тенденций аналитизма, аналогии и упрощения в структуре изучаемого языка. Как правило, упрощению подвергаются в первую очередь служебные слова, т.е. единицы языка, которые лишены номинативной функции. Что касается знаменательных слов, то они в результате интерференции подвергаются внутривидовому перераспределению.

Среди механизмов фонетического интерференционного влияния самым распространенным является отождествление носителями звуков двух языков, причем основой для отождествления служит звуковое сходство. В результате этого процесса возможна субституция звука неродного языка соответствующим звуком родного. На субституцию может влиять различие фонологических систем вступающих в контакт языков. Заимствования же

фонем встречается редко. Необходимые условия его возникновения – перенос значительного количества слов, в которых содержится данная фонема, и наличие в принимающей фонологической системе подходящих условий.

Большим разнообразием отличается состояние и функционирование лексико-семантической системы РЯ, к которой относится вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразие типов их группировок, характер их взаимоотношений друг с другом и с элементами других подсистем языка, а также условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков.

Среди самых распространенных преобразований собственно русской лексики в речи англоязычных студентов из Африки встречаются семантические изменения посредством сужения, расширения и смещения значения. Сильное интерферирующее влияние на лексическом уровне обуславливается, прежде всего, буквальным переводом слов, связанных с африканскими реалиями.

Очевидно, что русско-английские языковые контакты отражаются непосредственно на структуре изучаемого языка. Наблюдаемые различительные признаки между литературным и «студенческим» вариантом РЯ формируются в большинстве своем под воздействием родного языка – внешнего фактора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин В.А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия / Отв. ред. П.А. Азимов, Ю.Д. Дешериев, Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1972. – С. 49-62.
2. Алисова Т.Б., Репина Т.А., Таривердиева М.А. Введение в романскую филологию. – М.: Высш. школа, 1987. – 343 с.
3. Багана Ж. Контактная лингвистика: Взаимодействие языков и билингвизм: монография. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 128 с.
4. Багана Ж. Французский язык в Африке: проблемы интерференции / Отв. ред. В.А. Виноградов; Ин-т языкознания РАН. – М.: Наука, 2006. – 163 с.
5. Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2004. – 350 с.
6. Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия / Отв. ред. Ю.Д. Дешериев, П.А. Азимов, Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1972. – С. 88-98.
7. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: Учеб. для вузов. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 439 с.
8. Белл Р.Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 318 с.
9. Белякова Н.Н. Как строится русский глагол? Особенности формообразования: морфология, ударение. – 3-е изд., испр. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2006. – 97 с.
10. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение, 1987. – 159 с.
11. Будаев В.Г. Алгоритм словоизменения русских глаголов. Настоящее (простое будущее) время: учебно-методическое пособие по русскому языку как иностранному. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2012. – 104 с.

12. Бурденюк Г. М., Григоревский В.М. Языковая интерференция и методы ее выявления. – Кишинев: Штиинца, 1978. – 126 с.
13. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып.6. – С. 25-60.
14. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования: Пер. с англ. – Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун., 1979. – 263 с.
15. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. – 338 с.
16. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. – М., 1969. – 160 с.
17. Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 197.
18. Виноградов В.А. Стратификация нормы, интерференция и обучение языку // Лингвистические основы преподавания языка. – М., 1983. – С. 44-65.
19. Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып.6. – С. 94-111.
20. Геращенко В.Н. Лексико-семантические африканизмы во французском языке Республики Берег Слоновой Кости: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 16 с.
21. Дебов В.М. Лексическая специфика французского языка в Алжире. – Иваново: Изд-во Иванов. ун-та, 1992. – 71 с.
22. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев: Изд-во при Киев. ун-те, 1974. – 174 с.
23. Завьялова М.В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) // ВЯ. – 2001. – № 5. – С.60-85.

24. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учеб. пособие для филол. специальностей. – М.: Изд-во Российск. гос. гуманит. ун-та, 2000. – 382 с.
25. Интерференция в сфере лексики и грамматики немецкого языка / И.Н. Горелов, К.Н. Аристархова, А.Р. Угланова, И.И. Шелухина; Под. ред. Л.Л. Проворовской. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 61 с.
26. Йордан Й. Романское языкознание. – М.: Прогресс, 1971. – 619 с.
27. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Фирма «Гардарика», 1998. – 779 с.
28. Корнев В.А. Сопоставительная семантика и проблемы межъязыковой интерференции // Языковая семантика и образ мира. – Казань: Изд-во КГУ, 1997. – С. 82-84.
29. Кузнецова Т.Д. Механизм речевого действия и установка // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. – Калинин, 1978. – С. 102-110.
30. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 81-93.
31. Матвеева О.В. К вопросу об отношении кальки к заимствованиям // Романо-германская филология: Материалы Международной научно-практической конференции. – Саратов: Изд-во Саратов. ун., 2002. – Вып. 2. – С. 58-62.
32. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. ВУЗов и учащихся лицеев. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 207 с.
33. Молодкин А.М. Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном контексте. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 184 с.
34. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
35. Полинская М.С. Полуязычие // Возникновение и функционирование контактных языков. – М., 1987.

36. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 536 с.
37. Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык / Под ред. Н.С. Валгиной: Учебник для вузов. – Изд. 6-е, перераб. И доп. – М.: Логос, 2001. – 528 с.
38. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. – Л.: Наука, 1972. – 80 с.
39. Русаков А.Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе): Дис. в виде науч. доклада ... док. филол. наук. – СПб., 2003. – 99 с.
40. Семченский С.В. Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточнороманских языковых контактов): Автореф. дис. ... док. филол. наук. – Киев, 1973. – С. 34.
41. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.»: в 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.
42. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение. Новая онтология анализа языкового сознания // Этносоциокультурная специфика языкового сознания. – М.: МГЛУ, 1996. – С.7-22.
43. Фомиченко Л.Г. Когнитивная лингвистика как новый подход к исследованию просодической интерференции // Лингвистическая мозаика: наблюдения, поиски, открытия: Сборник научных трудов. – Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 1998. – Вып.1. – С. 215-223.
44. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып.6. – С. 344-382.
45. Чередниченко А.И. Язык и общество в развивающихся странах Африки. – Киев: Изд-во при Киев. ун-те, 1983. – 165 с.

46. Шаповалов Ю.А. Взаимодействие культурно-исторических и собственно языковых факторов в процессе заимствования языковых единиц: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003. – 24 с.
47. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. – М.: Высш. шк., 1978. – 216 с.
48. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – 292 с.
49. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – Т.1. – 182 с.
50. Apelateur E. Zur Bedeutung der Körpersprache für die interkulturelle Kommunikation // Aspekte interkultureller Kommunikation / A. Knopp-Potthoff, M. Liedke (Hrsg.). – München, 1997. – S. 17-39.
51. Appel R., Muysken P. Language contact and bilingualism. – London, 1987. – 21p.
52. Bal W. Les situations linguistiques. Contacts des langues. – Paris: CILF, 1977. – P. 276.
53. Bazell C.E. Reply to question IV // International Congress of Linguists. Actes. – Paris, 1949. – № 6. – P.303.
54. Croft W. Mixed languages and acts of identity: an evolutionary approach // www.lings.in.man.ac.uk/Info/Staff/Wac/, 2001.
55. Debyser F. La linguistique contrastive et les interférences // Langue française. – Paris: Larousse, 1970. – № 8. – P. 31-61.
56. Ferguson C.A. Diglossia // Word, 1959. – vol.15. – № 2. – P. 325-340.
57. Fishman J.A. Sociolinguistique. – Paris / Bruxelles: Nathan, 1971. – 161 p.
58. Gardy P., Lafont R. La diglossie comme conflit: l'exemple occitan // Langages. – Paris, 1981. – № 61. – P. 75-93.
59. Giordano Ch. Die Rolle von Missverständnissen bei Prozessen der interkulturellen Kommunikation // Mit der Differenz leben: Europäische

Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation / K. Roth (Hrsg.). – Münster; München; N.Y., 1996. – S. 31-42.

60. Goebel H. Kontakt linguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung 2 Bände. – Berlin, 1997. – S. 1310-1317.

61. Heath J. From code-switching to borrowing: Foreign and Diglossic Mixing in Moroccan Arabic. – London / New-York, 1993. – 286 p.

62. Kiyitsioglou-Vlachou C. Les bienfaits de l'erreur // Le français dans le monde. Revue de la Federation Nationale des Professeurs de Français. – Paris, 2001. – № 315. – P. 30-31.

63. Kotthoff H. Rituelle Trinksprüche beim georgischen Gastmahl: Zur Kommunikativen Konstruktion von Vertrautheit und Fremdheit // Aspekte interkultureller Kommunikationsfähigkeit / A. Knapp–Potthoff, M. Liedke (Hrsg.). – München, 1997. – S. 65-91.

64. Mackey W.F. Bilinguisme et contact de langues. – Paris: Klincksieck, 1976. – 534 p.

65. Marçais W. La langue arabe dans l'Afrique du nord // Revue pédagogique. – Alger, 1974. – № 1. – P.124-125.

66. Myers-Scotton C. Contact linguistics. Bilingual encounters and grammatical outcomes. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 342 p.

67. Psichari J. Un pays qui ne veut pas sa langue // Mercure en France, 1928. – № 1-10. – P.63-121.

68. Sapir E. Language. – New York, 1921. – 258 p.

69. Schuchardt H. Hugo Schuchardt-Brevier / ed. L. Spitzer. – Halle, 1928.

70. Thomason S.G., Kaufman T. Language contact, Creolization, and Genetic Linguistics. – Berkeley, 1988. – 411 p.

71. Wald P. La diglossie immergée: representations alternatives du répertoire linguistique chez les Yakoma de Bangui // Langage et société. – Paris: Maison de science de l'homme, 1986. – № 38. – P. 51-67.

72. Weinreich U. Languages in contact: finding and problems. – New York, 1953. – 148 p.

73. Wilkins D.P. Morphology // H.Goebl et al. (eds.) Contact Linguistics. – Berlin / New York, 1996. – V.1. – P. 109-117.